

An impressionistic painting of a woman in a white dress, seen from the back, looking out over a vast blue sea. The brushstrokes are thick and textured, with a palette of blues, whites, and earthy tones. The overall mood is contemplative and serene.

Надежда Опескина

Дарьины зори

Повести и рассказы

Надежда Опескина

Дарьины зори. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Опескина Н.

Дарьины зори. Повести и рассказы / Н. Опескина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748492-7

Моя деревенька, далёкая и близкая, среди озёр, лесов и рек. Пройти дорогами жизни тех, кого уж рядом нет. Три поколения людей, с такими разными судьбами. Война и любовь, предательство и верность. «На то она и жизнь, чтобы быть разной...» — скажет цыганка Рада в рассказе «Осколки зеркала».

ISBN 978-5-44-748492-7

© Опескина Н.
© Издательские решения

Содержание

Дарьины зори	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	44
Эпилог	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дарьины зори
Повести и рассказы
Надежда Опескина

© Надежда Опескина, 2016

© Татьяна Пороскова, фотографии, 2016

© Анна Симонова, фотографии, 2016

Корректор Татьяна Исакова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дарьины зори

Глава 1

Половица у порога скрипнула. Сердце Дарьи сжалось от страха. Дверь в горницу, где спали родители и два младших брата, была плотно закрыта. Брат Павел, младше её на два года, похрапывал на полатах. Сестра Нюра сопела на кровати, что стояла сразу у порога. Боясь разбудить сестру, тихо забралась на печь. Сон не шёл. Вспоминались глаза незнакомого парня, что все посиделки глядел на неё не отрываясь. Подружка Катька дважды пыталась вызвать парня на круг, выбивая дробь перед ним, но он не шёл. Когда молодёжь стала собираться по домам, он решительно подошёл и назвался.

– Меня Михаилом кличут. Я что-то не помню, кто ты, красавица, и чья будешь. Всего-то пять годков не был дома, а здесь столько девиц повырастало – глаз не отвести. Но ты из всех выделяешься красотой своей.

– Дарьей кличут, Дмитрия Коростылёва дочь буду. Так пять-то годков назад мне всего десять было. Я вас тоже не признала, из чьих вы.

– Вот те раз! Пятнадцать годков, а смотришься девицей на выданье. Из Силантьевых я, сын старший. Мне уж двадцать стукнуло. У дядьки в городе жил, ремеслу кожевенному обучался. Могу теперь любую шубку сшить из любого меха, сапоги стачать. Позволь мне проводить тебя до дома. Ночь на дворе тёмная.

– Тоже мне нашёлся провожалыщик, сам не заблудись! – вклинилась в разговор подружка Катька, увлекая Дарью за руку прочь от компании.

Всю дорогу до дома Дарья молчала, опустив взгляд к земле, будто боясь споткнуться. Катька тараторила не умолкая. Обещала подруге окрутить Михаила за пару дней. Приглянулся он ей очень. Что к Дарье подошёл, а не к ней, объясняла ошибкой.

– Откуда ему было знать, что тебе ещё и шестнадцати лет нет. Ты выше меня на полголовы, хоть и младше на целый год. Вы, Коростылёвы, что жерди высокие.

Завидую, Дарья, косе твоей, глазам твоим зелёным, но знай, я счастливее тебя буду и, с места этого мне не сойти, а выйду за Мишку замуж.

Запели первые петухи. Дарью сморил сон. Проснулась от громкого разговора в избе. Глянула незаметно через дырочку в занавеске. На пороге стоял председатель колхоза Тимофей Окунёв, что-то пытается втолковать отцу.

– Ты, Дмитрий, не брыкайся! Не поедешь сам на кордон, так силком свезут под белы рученьки. Мне начальство дало разнарядку артель в пять человек собрать и с поварихой отправить на дальний кордон к Матвею Савичеву. Твою Дарью в поварихи определяю. Девка она рослая и варить обучена. Ей уж в октябре шестнадцать стукнет. После каждому из вас выделяют деланки поближе к дому со строевым лесом, заместо платы и трудовой. Лесом государство рассчитается, аж пять процентов от заготовленного вам подарят. Чего артачишься? Всего на два месяца направляют. Дом свой обновишь пристройкой.

– Не артачусь я, Тимофей! Сено с покосов не убрал. Картошку кто копать будет? Два месяца! Сам посчитай, в аккурат под Покрова вертаться будем. Мои не управятся с делами. Павлу всего тринадцать, а Нюрке – двенадцать. Какой с них спрос? Дай хоть пару дней сено свезти. Картошку сами выкопают.

На том и порешили. Поедут артельщики через два дня. Председатель велел Дарье за провиантом к завхозу колхозному съездить на подводе. Крупу, сахар, муку и масло подсолнечное получить. Остальное уж на месте, как там получится. Рыбки наловить можно или зайца на жаркое поймать.

Заныло сердечко девичье, забилося, словно птица в силках, беду почуяло. Справившись со всеми делами по дому и получив провиант, отпросилась у матери сходить на посиделки. Весь вечер с Михаилом в переглядки играли. Катька व्यюном вокруг парня крутилась, а он от Дарьи глаз не отводил. Недоброе чуяло сердце парня, по глазам девушки видно было, что прощается она с ним. Загорелась промеж них искорка, потянуло сердца навстречу, а судьба и показала свой оскал.

Незаметно для других Дарья вышла из избы, что служила клубом, и тихо побрела домой. Михаил скоро её догнал. Взял за руку. Так и шли молча до самого дома.

– Беда какая случилась, Дашуня? Глаза шибко грустные, аж по сердцу ножом режут! Не молчи, краса моя ненаглядная.

– Через день уеду на дальний кордон, поварихой. Цельных два месяца там буду, Мишенька! Окрутит тебя Катька, как пить дать, окрутит!

– Ты что такое говоришь, Дашуня? Кто меня окрутит против моей воли? Уж ежели и родители что удумают, так уеду в город назад. Работа там для меня всегда будет. Два месяца – срок небольшой. Ты только там за какого артельщика не выскочи замуж.

– Так едут одни старики сорокалетние, такие же, как тятя мой. За кого замуж идти, у всех семьи и ребятни полный дом. Ты сам на чары Катькины не позарься.

Вот получу справку в шестнадцать лет и уеду в город, Миша. Не хочу я жить в колхозе всю жизнь свою. Поедешь со мной, Мишенька?

– Поеду! На край света поеду! Как ты решишь, так и будет.

Постояли обнявшись и разошлись по домам понурые, с болью в сердцах. Где-то слышался голос Катьки, поющей частушки под гармошку.

Стояла вторая половина августа одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Путь был долгий. До кордона триста пятьдесят вёрст по бездорожью двумя подводами. На одной – прови-

ант и Дарья с отцом. На другой – четверо артельщиков с вещами тёплыми. В обратный путь возвращаться по холодному времени. Лошадей председатель подобрал лучших, дав третью на подмену в пути.

В начале пути колки берёзовые да степь. После первого дня остановились на привал у старицы. Мужики собрали дровишек сухих, костерок развели. Треногу для котелка из дома захватили, кузнец колхозный расстарался. Дарья ведро воды принесла. Решила сварить каши пшённой, а в другом чай вскипятить. Мужики пошли бредень закинуть, рыбкой поживиться. Отец смазывал колёса смазкой, чтоб лошадям легче было тянуть телеги. Все при деле. Дарья с тоской смотрела в сторону дома. Сердечко ныло от предчувствия.

Рыбки хорошо взяли. Часть пожарили на сковороде в масле, часть присолили, чтобы завтра доесть. Всем хотелось спать. Места глухие, опасаться некого, но отец Дарьи, которого за старшего промеж собой выбрали, настоял, чтобы дежурили по очереди и не сидя у костра, а на ногах, с ружьишком в руках.

Постоял часок – буди другого. Сам первый и встал в дозор. Два часа вокруг телег круги нарезал, завидуя крепкому сну своих сотоварищей. Где-то далеко были слышны стоны глухаря. У Дмитрия от этого стола мурашки по телу высыпали. Ночь стояла тёмная, небо заволокло облаками, луны не было видно. Только мерцающие огоньки костерка. Он подошёл к телеге, на которой спала, закутавшись с головой, дочь, бормотавшая во сне непонятные слова.

Утром выглянуло солнышко. Доели вчерашнюю кашу, попили чайку горячего – и в путь. Через десять часов привал. Лошади выдохлись. Рыбки прижарила Дарья и затируху с томлённым на масле лучком. Мужики нахваляют свою повариху. Молодая, а ловкая. Что сварить, что посуду перемыть. Сама справляется, ни у кого помощи не просит. Глаза зелёные с грустью на всё глядят, слеза в них притаилась.

На третий, последний, привал остановились поздно ночью. Непокойно было на душе у Дмитрия, да и мужики ведут разговоры полушёпотом. Чем дальше от дома, тем становилось тяжелее. Всем хотелось скорее до места добраться.

Дарья страшилась того незнакомого места. Ничего о нём не знала, но про лесника Матвея Савичева много чего в деревне рассказывали, и в основном худого.

Лют по-страшному. Жену свою, Пелагею, бьёт до смерти. Потом она вся синяя ходит, еле ноги волочит, а прилечь он ей не даёт. Сыновей Василия и Данилу тоже поколачивает. Василий заматерел, ответил раз как следует, так отстал от него, а Данилу, младшего дитя, дураком сделал сызмальства. Всё норовил по голове, да побольнее. У парня разум-то и помутился. Ходит, как неприкаянный, по местам лесным. Уйдёт летом на несколько дней в леса без еды. Ищет его Василий, ищет, а он приходит сам и ничего рассказать не может – не помнит. Чем там питался, где ночевал. Клавдию, дочь свою, холил Матвей, жалел. Обновки в первую очередь ей покупал.

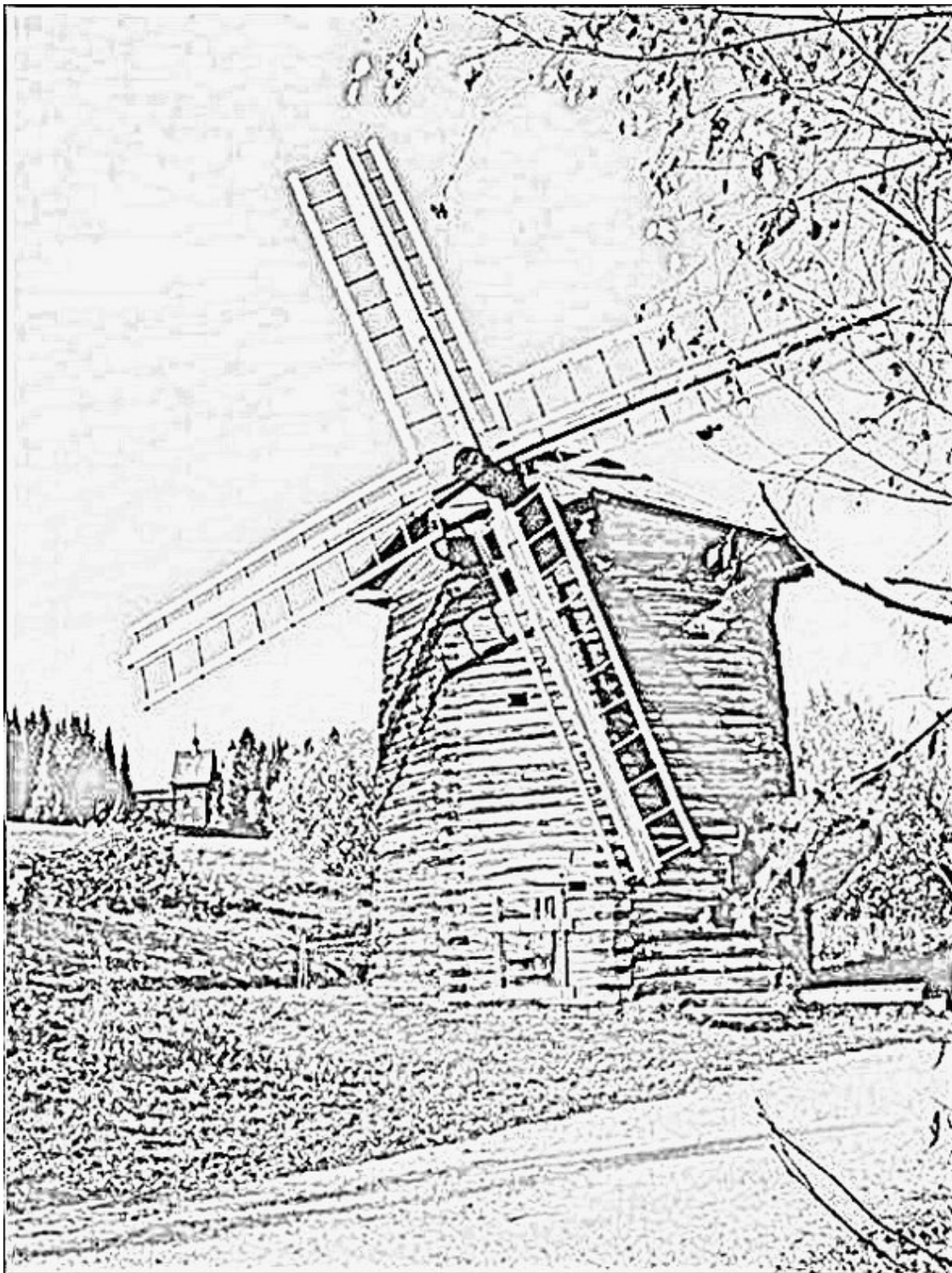
Приезжал раз в деревню прошлым летом. Дочь, Клавдию, замуж отдавал за деревенского парня. Тогда и увидела его Дарья. Да и он заметил её в толпе девчат деревенских. Кинулся с расспросами к свату своему. Кто, мол, такая, чья будет. Смотрит своими глазами чёрными, будто оценивает. От взгляда его, из-под насупленных бровей, оторопь берёт. Не стала Дарья дожидаться приезда молодых, ушла домой. Родители гуляли допоздна. Отец напился допьяна, и Матвей привёл его домой. Дарья притворилась спящей. Мать не дала гостю будить дочь.

– Чего, Матвей, дитя будить среди ночи. Пушай поспит. Она помощница знатная, много дел по дому делает, братьев меньших, почитай, сама вынянчила.

– Дитя, говоришь, хозяйшка? Какое же это дитя, коли груди буграми топорщатся. Коса одна чего стоит, и глазища на семерых. Зря не даёшь посмотреть! Я бы её за старшего своего сына Василия посватал, а то парню двадцать пятый год идёт, а холостым на свете мается. Ему бы вашу девку в самый раз.

Гнала Дарья от себя мысли о плохом. Чего бояться – отец рядом. И другие мужики в случае чего вступятся. Сама не понимала причин своего страха. Во сне приснилась река, ранее

не виданная, на зорьке и мужик тёмный на берегу. Проснулась вся в поту и слезах горячих. Отцу не расскажешь о своих страхах. Не пожелает понять.

Глава 2

Кордон показался внезапно. За поворотом, среди деревьев, на пригорке, смотрелся крепостью. Забор высоченный, дом, рубленный на высоком фундаменте из камня, в четыре окна, обрамлёнными резными ставнями. Высокое крыльцо было увито каким-то растением, которое взбиралось на конёк дома и расплзлось по всей крыше, отчего та смотрелась шатром. Ворота из тёса были закрыты, и казалось, что нет в том доме никого, если бы не дым из трубы.

Дмитрий постучал в ворота. На крыльцо сразу кто-то вышел, прошёл до ворот и, не открывая, спросил:

– Кого ещё черти принесли на ночь глядя? Кому дома не сидится?

– Матвей! Это Дмитрий Коростылёв. Меня с артелью прислали лес валить. Вот хотим узнать, где нам постой организовать. Кто нам место укажет?

Ворота отворились. Все увидели парня невысокого роста, кряжистого, с копной русых волос на голове, давно не знавших гребня. Одет он был в рваные штаны и застиранную рубаху. Лицо заспанное. Глаза-щелки над бугристыми щеками смотрели со злобой.

– Нет отца дома! Зачем он вам понадобился? Коли за строевым лесом припёрлись, так возвращайтесь восвояси. Вырубку раньше сентября не разрешат.

– Нас и прислали на вырубку на два месяца. Нам бы узнать, где устроить стоянку да какую-никакую крышу над головой. Дожди скоро придут, – ответил Дмитрий.

– Ничего не знаю про это. Вот отец возвратится с лесу, он и укажет. А пока ночи тёплые, и шалаша хватит. Только вы подальше от кордона останавливайтесь. Не хватало, чтобы какой пожар нам устроили. Хотите вправо, хотите влево. Отец после вам определит стоянку, ежели вы ему подойдёте.

– Да ты, мил человек, нас не гони взашей! Имя хоть своё назови, определи, сколько нам Матвея ждать, – напирал Дмитрий.

За спиной парня показалась женщина маленького роста, в старой выцветшей блузке и суконной юбке в оборку, на голове был повязан платок. Глаза смотрели на приехавших вопрошающе. От её крысиного взгляда всем стало не по себе. Лицо злобой перекошено. Дарью оглядела с ног до головы, фыркнула и что-то прошептала парню на ухо, и тот стал затворять ворота. Артельщики стояли обескураженные, как вдруг ворота распахнулись вновь, все увидели молодого высокого паренька, с красивым вьющимся чубом русых волос, смотревшего с улыбкой своими сине-голубыми глазами на приехавших.

– Не обижайтесь на моего брата Василия, он у нас чужих людей не привечает. Меня Данилой зовут, младший сын Матвея, отца нашего. Матушку Пелагеей кличут.

Я вам покажу место, где отец определил вам стоянку. Вчера там я уже и навес сколотил, место для кострища обкопал. Здесь недалече. Отец через пару дней приедет, он по делам отлучился. Вы за пару дней и обустройтесь. А вас Дарьей величают? Отец говорил, что вы красавица. Я вас такой и представлял себе.

Ворота захлопнулись. Данила махнул рукой, будто говоря, чтобы не обращали внимания на брата и мать, и пошёл впереди обоза, указывая дорогу.

Место оказалось красивым. Вековые деревья окружали поляну, поросшую высокой травой. Сквозь просвет видна была гладь озера, которое в сумерках отливало стальным цветом. На берегу стояла лодка, привязанная к вбитому колу. Место артельщикам понравилось. Много чего уже было сделано Данилой. Навес из жердей, крытый лапником, был аккуратно окопан неглубокой канавкой на случай дождя, пол устлан мхом. Посередине стоял стол, сделанный из струганых досок, а вокруг – скамейки из широкого горбыля. Всё было сделано добротнo. Рядом, ближе к озеру, подготовлено место для костра и уложены дрова с берестой для розжига. Немного в сторонке в землю были вбиты стойки с несущим брусом на них, для устройства

шалаша, и приготовлен лапник. Данила подошёл к костру, чиркнул спичкой. Пламя занялось ходко, осветив поляну. Взял ведро и принёс воды. Дарья принялась готовить кашу на ужин. Мужики, пригорюнившиеся поначалу, повеселели. Данила сказал, что им поставлен вентерь, который бы надо с утра поднять, и будет отличная ушица на завтрак и жареная рыба.

После ужина паренёк засобирался домой. Трое артельщиков пошли его провожать, а заодно и оглядеться на местности. Взошедшая луна освещала путь.

Дарья, перебив посуду, сидела у костра. От огня исходило тепло. Дмитрий присел рядом. Долго смотрел на огонь.

– И как тебе Данила? Говорили, что он вроде дурак, а по виду и не скажешь. Глядь, как стоянку нашу толково обустроил. Всё до мелочей предусмотрел.

– Кто его дураком назвал, тот сам, наверное, разума лишён или озлоблен на мир, – ответила Дарья. – Пойду, тятя, укладываться. Мне завтра вставать раньше всех.

Уснули все крепким сном, дозор не выставляя. Здесь вокруг и людей-то нет, а зверьё горящий костёр стороной обойдёт. Дарья на телеге с провиантом. Мужики на траве, недалеко от костра, расстелив поверх полог. Травушка, что перина, приняла уставшие с дороги тела. От костра дымок вился, отгоняя гнуса.

Дарья проснулась раньше всех. Решила водицы принести и лицо у озера обмыть. Смотрит, а ведра одного и нет. Пошла к озеру. Туман над водой стелется, воздух наполнен запахами хвои и цветов. Лодки на месте не оказалось. Подумалось, что кто-то из артельщиков вентерь снимать уплыл. Хотела уже к стоянке возвращаться и услышала шлепки вёсел по воде. В лодке сидел Данила. Рубаха чистая на нём, чуб расчёсан. На дне лодки рыба подпрыгивает. Солнце ещё не взошло, и туман не спешил рассеиваться. От воды теплом веяло. Привязав лодку, Данила предложил искупаться.

– Вода в нашем озере поутру тёплая. Искупись, Дарьюшка! Отойди в сторонку, здесь рядом берег песчаный. Я пока рыбу почищу и послежу, чтобы тебя мужики врасплох не застали. Ты без исподнего купайся. Зачем одёжку мочить. Я всегда так. Уйду туда, где глаз людских нет, и вдоволь поплескаюсь.

Войдя в воду, Дарья почувствовала, как всё тело желало быть обмытым. Не хотелось выходить из воды, но уже слышны были голоса артельщиков, кто-то шёл к озеру. Поспешила одеться, набрала ведро и пошла к стоянке. Все были на озере. Слышны были радостные крики. Сорочалетние мужики резвились, что дети малые.

Вода закипела быстро. Данила принёс ведро чищенной рыбы. Улов в основном состоял из окуней, но попалось несколько судачков и налимов. Дарья решила угостить артельщиков наваристой ухой из трёх видов рыбы, а на жарёху пустить окуньков. Рыба жарилась быстро. Уха булькала в котле, источая аромат.

Мужики просили подлить побольше юшки, соскучились по жиденькому. Хвалили Данилу. Он стыдливо отнекивался, краснея от похвал. Чувствовалось, что парень рад приезду людей в эту глухомань. Много говорил, но всё по делу.

Присоветовал поставить два шалаша. Мужикам большой, а для Дарьи отдельный, поменьше. Никто и спорить не стал. Негоже девчонке с мужиками в одном шалаше быть. Работа спорилась. В обед доедали остатки ухи и рыбы. К чаю Дарья испекла на сковородке лепёшек из пресного теста. Всем очень понравилось.

К вечеру завершили обустройство своего жилья. Дмитрий был доволен работой сотоварищей. Шалаш поставили большой, утеплили лапником, почти что изба. Вокруг канавки выкопали. Сколотили лежаки, чтоб по холоду на земле не валяться. Мхом устелили, прикрыв поверх одеялом тонким. Постели на славу получились. У каждого своё место отдельное. Для Дарьи поменьше шалаш соорудили поближе к кострищу. Заднюю стенку заплели тальником, а на входе полог небольшой повесили.

Данила нехотя отправился домой. Дарья с отцом проводили парня. Возвращались не спеша, тихо разговаривая. Дарья увидела недалеко от тропы высокие кусты боярышника, усыпанного красной ягодой, пошла, чтобы сорвать горстку. Дмитрий остался на тропе, покуривая самокрутку. Вдруг Дарья почувствовала на себе взгляд звериный. Испугавшись, громко закричала. Дмитрий кинулся к дочери.

Неожиданно для них из кустов вышел Матвей Савичев, с ружьём наперевес и котомкой за спиной. Громко рассмеялся, глядя на перепуганных Дарью и Дмитрия.

– Испугал я тебя, красавица! Ишь, как криком зашлась. А ты, Дмитрий, чего дочь от себя отпустил. Гляди, места здесь глухие, зверья всякого полно.

– Зверьё, Матвей, подороже людей-то будет. Вот чего это тебе захотелось тайком за кустами от нас прятаться?

– Хотел вначале посмотреть, что за народ здесь, в нашей глухомани, по вечерней зорьке шастает и беседы тихие ведёт. Теперь, как понимаю, артельщики уже прибыли на вырубку леса. Это хорошо. Где постой свой определили?

– Нам Данила показал и помог обустроиться. Толковый парень у тебя, Матвей.

– Вот те раз! Дурака за толкового приняли. Пострел везде успел. Ну чего уж теперь. Сказал Василию, чтоб пока вас на подворье пустить, под навес, но он, видимо, запомнил. Устал я сегодня, много вёрст отмахал по тропам лесным. Домой пойду, а уж завтра, поутру, к вам с Василием придём. Глянем, что там наш дурак начудил.

Дарья с отцом поспешили к лагерю. Матвей бодро зашагал в другую сторону. Долго был слышен его сильный, басистый голос, распеваящий песню про утёс.

Над озером догорала алая вечерняя заря. Две берёзки, словно обнявшись, стояли у берега, склонив ветви к воде. Сердце девичье, от предчувствия беды, бешено билось в груди.

Глава 3

Плохо спалось Дарье. Во сне её окружали плотным кольцом незнакомые люди, все стремились до неё дотронуться. Страх входил в душу девичью. Было огромное желание вырваться из круга и бежать, бежать, не оглядываясь.

Пробуждение было ещё страшнее. В проёме шалаша виднелась мужская фигура, которую трудно было разглядеть в предрассветной темноте. Она закричала. Человек отпрянул и побежал прочь. Крик Дарьи разбудил отца и других мужиков. Кто-то пальнул в воздух из ружья. Другие кинулись вслед убегающему, но потом вернулись, сказав, что скрылся бесследно незнакомец, словно тать. Дмитрий обнял дочь за плечи.

– Успокойся, Дарья. Расскажи, какой он из себя. Как выглядел. Говорил ли. Вот беда-то. Вчерась Матвей перепугал, сегодня новое приключение.

– Нет, тятенька, некрупный, мал ростом. Не разглядела я его в темноте. На подростка более похож был. Лето, а на нём шапка зимняя. Костром от него несло и другим запахом, как от коня потного.

– Да кто же это мог быть, язвы его в душу, – ругался Дмитрий. – Откуда он здесь взялся. Савичевы все крупные. О других людях ничего не знаем.

У всех сон как рукой сняло. Стали провиант проверять – всё на месте. К озеру Дарью одну не пустили, сами воды принесли, костёр распалили, чай вскипятили.

Сидят, чай попивают. Слышат шаги. Дмитрий за ружьё схватился. На поляну из-за деревьев вышли Матвей с Василием. Оба разодетые, что на праздник какой.

Матвей в рубахе синей из сатина, брюки новенькие из тонкого сукна, в сапоги хромовые заправленные. Василий в красной рубахе атласной, плисовых шароварах, поверх рубахи безрукавка из сукна, расшитая на груди, сапоги хромовые, начищенные до блеска. Чуб расчёсан, сам чисто выбрит и одеколоном благоухает.

В руках несут большой жбан и котомку, наполненную чем-то. Мужики сидели, разинув рты от удивления. Работать приехали, а эти пришли праздновать. Дмитрий встал навстречу гостям, поздороваться.

– Вот уж не ждали вас спозаранку, так не ждали. Солнышко ещё не взошло, а вы уж тут. Или праздник какой сегодня, что вы при таком параде.

– Праздник, конечно, праздник. Прошли два Спаса, медовый да яблочный, скоро и ореховый на пороге. Вот принесли вам разговеться настойки боярышника, пирогов Пелагея испекла с картошкой и ягодами. Не обессудьте, пост нынче, мясного не готовим. Но Данила сказал, что вы тут его вентером рыбку разную ловите.

– А что же сам Данила не пришёл? Мы бы и ему рады были, – ответил Дмитрий.

– По хозяйству матери помогать оставили. Ты, Дмитрий, мне артельщиков представь. Чтобы знать, как кого кличут, – произнёс Матвей, нахмутив брови.

– Да вот они, все тут. Константин Орешкин, Алексей Тимнов, Григорий Раковский, Иван Гребенщиков. Трудяги крепкие, к работе приучены.

Мужики потянулись здороваться с пришедшими, называя свои имена. Дарья тем временем кашу заправлять стала. Василий не отводил от неё взгляд. Стоял, ковырялся травинкой в зубах, а сам разглядывал её со всех сторон. Смотрелся ниже Дарьи на чуток, но широкие плечи парня и осанка гордая эту мелочь скрашивали. Праздничная одежда к лицу шла. Не узнать было в нём того человека, что от кордона отваживал. Улыбается – рот до ушей.

Алексей и Григорий поспешили к озеру, рыбки из вентера принести. Хотелось гостей ущицей уважить, рыбой запечённой. Быстрёхонько почистили рыбку и цельное ведро Дарье к костерку. Тем временем на стол пироги и кашу поставили. Выпили настойки вкуснейшей. Ущица поспела, но Матвей от неё отказался, сказав, что не рыбный день. Посмеялся над мужи-

ками, забывшими в своём колхозе все порядки православные. Василий ел и уху, и рыбу, печёную на углях, с удовольствием. Всё повариху нахваливал. Ловкость её отмечал в делах.

Над озером поднималась заря утренняя, багряная, суровая. Мужиков от выпитой настойки в сон клонило. Василий, видя посоловевшие лица артельщиков, посмеивался над ними.

– О, как вас всех разморило от пары глотков настойки. Сидите, что совы сонные. Какие из вас работники на порубке. С топором у дерева и заснёте.

– Зря, Василий, мужиков обижаешь! Не от настойки они посоловели, а от происшествия сегодняшнего. У нас тут гость незванный к Дарье в шалаш пытался войти. Чего хотел – непонятно, всё целёхонькое. От Дарьиного крика мы повскакивали ни свет ни заря. Поймать не удалось, убёг, окаянный. Шасть между деревьями, и поминай как звали, – ответил Дмитрий.

Матвей слушал внимательно, уточнял, какого роста был мужик, во что одет. От ответов артельщиков лицо у него стало хмурым, сидел, скрежеща зубами. Всё переглядываясь с Василием, который сидел, словно в рот воды набравши.

– Чего молчите, мужики? Ты нам, Матвей, скажи – есть чего опасаться нам или нет. Мы будем уходить на вырубку, а Дарье здесь одной оставаться. Боязно за девку, за провиант, – не выдержал молчания пришедших Дмитрий.

Матвей поднялся из-за стола, поиграл грудными мышцами, будто к бою готовился, подошёл к Дарье, стоявшей в сторонке, со словами:

– Ты, Дарьюшка, ничего не бойся! Мы тебе в сторожа Данилу определим. Он коли в раж войдёт, то от любого тебя защитит, сила у него немереная. Мы с Василием с ним вдвоём справиться не можем. Молод, а силён не по годам. Сам безобидный, как все дураки, но не терпит, когда других обижают. Ружьё под твою ответственность оставлять будем. А тать эта нам известна. Отсюда вёрст тридцать деревенька татарская в пять домов стоит. Они любят на чужие земли набеги делать. Много раз от нас по соплим получали. Примолкнут на годок и по новой айда вентера выхолощивать, пушнину из силков воровать. Данила для тебя крепостью будет. Четырнадцать лет парню, а вымахал под потолок.

Долго ещё разговоры вели мужики меж собой. Дарья прибрала стол, посуду у озера перемыла, с песочком котелки надраила до блеска. Василий стоял рядом, молчал. Потом ушёл в сторону леса, прихватив котелок. Через короткое время вернулся с наполненным лесной ягодой. Земляника вперемежку с ежевикой, веточки костяники сверху уложены. Все снова сели пить чай.

Кого сон сморил, тот прямо на траве и уснул. Назавтра начиналась большая работа. Дмитрий с Матвеем обсуждали, что и как лучше сделать. Стоянка Матвею понравилась. Хорошо обустроились, до холодов жить можно, а там амбар на кордоне есть большой и печь в нём сушильная, для мужиков пристанище будет что надо. Дарье в избе место сыщется. Хлеб для артельщиков Пелагея печь будет. Баня есть на кордоне, там и обмыться можно будет раз в неделю. В воскресенье всем отдых определили.

Дарья сидела в сторонке, в разговоры не встревала. Дмитрий, желая угодить Матвею, попросил Дарью уважить гостей и спеть что-нибудь.

Зарделось девичье личико. Зашла в шалаш, переделась в своё платье любимое, быстро переплела косу, на плечи полушалок накинула. Вышла к гостям. Матвей с Василием разглядывали красавицу удивлёнными глазами. Запела песню «Чёрный ворон». Голос сперва звучал тихо, потом всё звонче и звонче.

По девичьему лицу катились слёзы, которые Дарья не хотела скрывать. Такая тоска сердце сжала. После, не останавливаясь, спела «Ой, то не вечер». Пропела, постояла минутку и запела про тонкую рябину. Мужики сидели кругом и смотрели на красавицу повлажневшими глазами. Каждый своё вспоминал.

Василий стоял под берёзками, слушал с замиранием сердца голос девичий, мысли разные роились в голове, понимал, что то, что задумали их отцы, делается против воли Дарьи. Своим пением девушка показала, какая боль гнездится в её душе. Заговорил Матвей.

– Ах да Дарья! Всю душу вывернула наизнанку своим пением! Спасибо! Уважила! Голос твой прям по сердцу бьёт. Давно такого голосища не слыхивал, с молодых лет поди. Ты, Дмитрий, сокровище взрастил! Дорогую твою дочь стоит...

Дарья, не дослушав речь Матвея, убежала к озеру. Отошла подальше в густые заросли, упала на траву и дала волю слезам горячим. Понимала, что судьба её уж предрешена и не быть ей с любимым вместе. Хотелось зайти в воду озера, чтобы укрыла, родимая, с головушкой.

Слышны были голоса мужиков и отца, зовущих её вернуться. Допоздна пролежала в траве, глядя в небо незрячими глазами. По тёмной ноченьке, крадучись, пробралась в шалаш. Слышала, как топтался отец у входа, но, не позвав, удалился в свой шалаш.

Проснувшиеся на утренней зорьке мужики были удивлены накрытому к завтраку столу, горячим, с пылу с жару, пресным лепёшкам. Сама же Дарья, одетая в выцветшее ситцевое платье, с подобранной под платок косой, была молчалива и спокойна. Дмитрий не стал говорить с дочерью, натолкнувшись на её колючий взгляд. Не видел он ещё свою дочь такой ни разу.

Мужики запрягли одного коня в повозку, набрали большой жбан воды с собой. Точили пилы, топоры, готовясь к первому рабочему дню на делянке.

Приехали на подводе Савичевы, ссадили Данилу, поздоровались и поехали дальше. Артельщики за ними. Предупредили, что будут поздно, только к ужину, перекусят там ягодой и лепёшками прихваченными.

Правый глаз Данилы окружал огромный синяк, но глаза светились радостью. На вопрос Дарьи, как он умудрился так стукнуться, ответил, смеясь:

– Стукнуться? В нашем семействе правит закон отцовского кулака, а он левша. Не впервой, милая! Его зло взяло, что без него всё устроили на стоянке. Мне влетело, что помог, Василию – за то, что не помог. Всем досталось. А вчера вернулся от вас и ушёл в свою комнату. Долго не спал, а уснув, стонал, как от боли, почти до утра. Василий тоже смурной пришёл. Шмыг в свою комнату молча. У нас их, комнат, в доме три. Одна горница отца, другая Василия, а мы с матушкой на кухне. Я на полатах, она на печи. Да нам и неплохо. Тепло и сытно.

Так начались рабочие дни. Данила много чем помогал. Когда закончился Успенский пост, стали они с Дарьей дичь добывать, готовить мужикам сытную еду. Про Пелагею не забывали, помогали ей во всём. Где баньку истопить, где воды натаскать. Время бежало за работой быстро.

Зори становились всё прохладнее. За всё время ни разу не увидела Дарьюшка спокойного неба. Висели над головой багряные отсветы.

Глава 4

Месяц пролетел незаметно. В шалашах ночевать стало холодно. В один из дней Дарья с Данилой вычистили амбар, лежаки перевезли, набили мешки травой просушенной, постелив вместо матрасов, посреди амбара стол поставили, печь протопили для тепла. День был субботний, мужикам полагалась баня. Пелагея пирогов с капустой напекла и щей наваристых приготовила. Дарья во всём доме порядок навела, полы отскоблила до жёлтого цвета, постели поменяла, а снятое перестирала и вывесила сушиться под навесом. Данила с Пелагеей едва успевали её команды выполнять. То принеси, это вынеси.

В первый пар Матвей с Василием и Дмитрий пошли. Кой-что обговорить надо было без посторонних ушей. Потом другие мужики с Данилой. В последнюю очередь Пелагея с Дарьей решили обмыться, накрыв стол для мужиков в амбаре. Места там на всех хватит. Матвей немного настойки принёс.

Внимательно разглядывала Пелагея раздетую Дарью. Груды потрогала, подойдя крадучись со спины, отчего та едва не обварила себя кипятком из ковша, набирая воды в таз. Повернулась к Пелагее, смотря вопрошающе.

– Вы зачем, тётка Пелагея, вздумали меня ощупывать и разглядывать? Я что, вещь какая? Глазами гляди, а рукам воли не давай!

– Ты, Дарья, не обижайся. Матвей велел посмотреть – не порченная ли ты. Всяко бывает в жизни. Погляди, какие груди у тебя большие. Не каждой бабе такое счастье перепадёт. А может, тебя уже кто обрюхатил, почём нам знать. Клавка наша письмо прислала, в котором написала, что ты там, дома, шашни крутить начала с парнем, а парень твой решил жениться на другой, и завтра они свадьбу играют.

Дарью как кипятком обварило. Села на лавку, задыхаться начала, лицо белёхонькое, и дрожит вся, а потом и сознание потеряла. Пелагея оделась и к мужикам за помощью, сама за простынёй в дом. Дмитрий надел на дочь рубаху исподнюю, поднять не может. Ринулся было Матвей к девушке, но Василий его упредил взглядом. Завернул в принесённую простыню и к себе в горенку снёс. Пелагея её в чувство привела нашатырём, но ненадолго. Девушка начала гореть как в огне, кричит и всё бранит какую-то Катюку. Неделю выхаживали всем семейством. Василий с Данилой по очереди сидели у постели. Матвею даже в комнату войти не давали – нечего на девку полураздетую пялиться.

Пришла в себя горемычная на шестой только день. Исхудала, глазища ещё больше стали, ходит по стеночке. В глаза смотреть страшно, вся боль душевная в них отражается. Молчит, ни с кем говорить не хочет. Дмитрий пару раз заходил поговорить, так она к стенке отвернётся и не отвечает.

Боясь, что на Покров выпадет снег и на подводах мужики добраться не смогут, Матвей решил их отправить раньше. Благо, что план по заготовке выполнили в полтора раза. Василий с ними хорошо работал. Ему лес строевой для дома собственного нужен был. Сам до работы бешеный и артельщикам спуску не давал.

Однажды Дарья услышала через дверь спор между отцом и Матвеем Савичевым. Тот требовал, чтобы отец сам поговорил с Дарьей.

– Ты, Дмитрий, не юли! Сам скажи дочери, что выдаёшь её замуж за Василия.

Мы можем и свадебку при вас отыграть. Наряд для невесты приготовлен. Я тебе деньги отдал? Отдал! Ситцу тюк, сукна тюк, сахару две головы, мёду. А вдруг она после твоего отъезда возьми и в петлю залезь.

Отец молчал. Дарья оделась и вышла к ним из горницы. Дмитрий сидел, опустив голову к полу, теребя новенькую кепку, подарок Матвея.

– Что, тятя, продал меня за тюк ситцу? Ты меня спросил, хочу ли я замуж за Василия? Вы это с маманей придумали – сбегать меня подороже?

– Ты бы об сестре младшей сперва подумала, прежде чем слова горькие нам с матерью кидать. Кто возьмёт Нюрку рябую и неказистую замуж без приданого?

Как же, только об себе и думаешь! Младших братьёв поднимать надо на ноги. Сказал, пойдёшь, так тому и быть! Не приму в дом, коли не согласишься!

В избу вошёл Василий, услышавший крик ещё со двора. Они с Данилой объезд силков делали и уток настреляли. Устали, с раннего утра по лесам и озёрам. В баньке бы попариться, чайку попить, а здесь опять крик и шум.

– Об чём гутарите, люди добрые, что на весь кордон ваш крик разносится? Какие такие проблемы решаете? Может, поделитесь со мной?

– Ты, Василий, не встревай в разговор Дмитрия с дочерью. Пора уже и точку поставить в затянувшемся сватовстве, – остановил сына Матвей.

– О каком сватовстве идёт речь, отец? Я чтой-то не услышал с улицы. О деньгах, о ситце, о сукне – да. А вот о сватовстве ни слова, – распаялся Василий. – Вы, отцы, хоть бы для приличия нас с Дарьей поспрашали. Мне двадцать пять стукнуло, Дарье шестнадцать, а голоса нашего никто не желает из вас слышать. – И, повернувшись к Дарье: – Ты, Дарьюшка, сама мне скажи, пойдёшь за меня замуж или нет. Не обращай внимание на ихние торги. Что с них взять, разум к старости совсем потеряли. Буду мужем тебе верным, пока живу. Детей наших любить и холить буду. Негоже тебе домой возврататься. Посмеялась судьба над тобой, но ты не сгибайся. Ты её, судьбу, в кулак сожми! Мне пора жениться. Не пришла ещё к нам любовь, но она уже недалече. Поверь моим словам! Коли согласна, назови день свадьбы.

– Завтра, Василий! Завтра свадьбу играть будем. Гостей полон дом. Пусть артельщики напоследок пображничают. Я гляжу, вы с Данилой с хорошей добычей пришли, есть из чего пир устроить. Засучим рукава и соберём для гостей стол со всякой закуской. Вот только венца нет у меня и платья для такого случая. Ну, да ничего! – ответила Дарья.

– Ай да девка! Огонь! Враз всем нос утёрла! Не беспокойся, краса-девица, всё припасено: и платье белоснежное, и венец с фатой, туфельки две пары разных размеров! Пелагея! Тащи сюда, старая, всё, что прикупил я летом по дороге с Клашкиной свадьбы, – басил Матвей, пританцовывая.

Пелагея принесла коробку, но показывать не стала, сославшись на народные приметы.

– Не должен жених наряд невестин видеть загодя. Моё сердце как чувствовало! Тесто слобное цельну квашню с ночи наладила. Каравай свадебный и пирогов разных напеку. Данилка сейчас мне уток всех пообщипывает, а я их с брусничкой и капусткой приготовлю, жаркое из зайчатинки. Можно было бы и кабанчика из последнего опороса приколоть, я бы его зафаршировала с гречкой и куриной печёнкой. Пару курей на лапшу зарубить. Дел-то, дел-то сколько, – радостно завершала Пелагея.

Дарья ушла в горенку Василия, оделась потеплее и к Пелагее в помощницы. Данила занялся другими делами. Василий пошёл поросёнка прирезать. Матвей с Дмитрием посидели молча, потом пошли в амбар к артельщикам новость поведать. Надо и баню топить, и воды натаскать, двор в порядок привести. Дел уйма, но и рук предостаточно.

Столы свадебные решили в горнице Матвея устанавливать, убрав оттуда кровать. Мужики вмиг всё и сделали. Дарья пол и окна вымыла, скамейки выставила, скатертями столы накрыла, белыми да вышитыми. Пелагея мастерица по вышиванию была. Горница чистотой засияла. Заглянувший Данила наглядеться не мог.

Принёс вместо цветов ветки рябины с красными ягодами и сосновые. Василий приоткрыл дверь, улыбнулся Дарье и побежал баню топить. Все сновали по двору, поспешая.

В какой-то момент и Дарья повеселела. Что теперь горевать. Любимый с другой свадебку отыграл, забыв слова свои. Отец словно корову продал, норовя побольше получить за неё. Вот

даже и приданого никакого не дали за ней. Разве что серёжки серебряные в ушах, так и то от бабушки достались. Может, прав Василий – надо сжать судьбу в кулак и жить, любя мир таким, каков он есть. Всё равно слезами горю не поможешь.

Матвей гоголем ходил. Всем улыбался. Бутыля с настойками и самогоном из кладовой в горенку на отдельный стол выставил. Чего здесь только не было: и вишнёвая, и рябиновая, и на жимолости. Эээх, пить не перепить мужикам. Соленья из погреба Данила принёс. В доме запахи стоят, словно в лавке торговой.

Мужики артельские только языками цыкают от удивления. Догадывались, что семейство не из бедных, но чтоб так. Жалели, что баб ихних рядом нет, чтобы поучиться у Пелагеи, как хозяйство вести. Мал золотник, да дорог. Росточка небольшого, по плечо Матвею, а труженица – так другой не сыскать.

Закончили дела, тут и банька поспела. Намылись все, отужинали и ко сну. Пелагея с Дарьей в горенке Василия. Благо, кровати там две. Мужики Савичевы на кухне разместились. Уснул кордон сном крепким.

Дарья проснулась первой, тихонько выскользнула из горенки, вышла на крыльцо. Утренний рассвет радовал глаз. Земля парила, отдавая своё последнее тепло. Над озером туман стоял белёхонький. Воздух напоён хвойными запахами и травой прелой. Такой красоты в родных краях не видела. Данила обещал ещё на Иртыш свозить, говорил, что это недалече. Про Василия и думать боялась. Мужем сегодня станет, а какой он – она и не знает. Радовалась, что рядом родная душа – Данила жить будет. А там время покажет, что и как будет. Бабой она теперь станет, может, и дитё народится. Тиха жизнь на кордоне, словно в скиту. Для души раненой это даже и хорошо.

Глава 5

Утро – время начала дня. Для многих утром того дня начался отсчёт другого времени, которое побежит, что река в весеннем разливе, смывая всё на своём пути.

У каждого были свои планы на жизнь, каждый мыслил по-своему, но не каждому хотелось ухватить побольше для себя. Разные люди, разные мысли.

Дмитрий подсчитывал барыши, с которыми вернётся домой, что купец с ярмарки. «Хороший куш урвал», – думалось ему. Объегорил он хитроумного Матвея, обошёл по всем статьям. У Дарьи и парня-то не было, никто не прибежал сватать, а уж ежели и пришёл кто, то в первую очередь с него, с Дмитрия, потребовал бы за дочерью приданое, и немалое. Хорошо сладилось, теперь Нюрку подрастить и выдать за деревенского, чтобы рядом жила, в старости их с матерью пригреет.

Матвея свои мысли обуревали, заставляли сердце бешено биться. Он и сам не осознавал до конца, на кой сдалась ему эта девка. Знамо дело, невесткой входит в дом, но мало ли ещё что случается в жизни. Леса вокруг страшные, зверья всякого полным-полно, разное с охотниками случается, а Василий охотник заядлый. Гнал от себя дурные мысли, всякий раз крестясь. Но мысли вновь лезли в голову, заполняли сознание. Радовался, что так дешёво откупился от Дмитрия, думал, в копеечку ему прихоть эта выльется, а вон как оказалось. Сбагрил тому слегка подпревшее сукно вместо части денег, ситец абы какой, а тот и рад. Василий шибко в силу входить стал, хоть и молчит часто, а всё в нём против отцовского мнения. Вот и дом свой, отдельный, решил поставить.

Пелагея довольна была приходом невестки в дом. Устала одна обихаживать трёх мужиков и дела по дому вести. Постарела, сорок пять годков стукнуло, спина проклятущая донимает. Хорошо хоть Данила подрос, помощником хорошим стал.

В Дарье увидела силу, несмотря на малый возраст. Умная девка и справедливая. Никакой грязи вокруг себя не допустит, душа у неё чистая. Повезло Василию с женой будущей. Быстрее бы свадьбу отыграть, хотелось бы обвенчать, но другие порядки пришли. Вспоминалась собственная свадьба, перед которой неделю шёл торг между отцом Пелагеи и Матвеем, требовавшим большое приданое за ней. Отцу ничего не оставалось, как выполнить все требования. Под сердцем уже Васенька её бился, и живот от людей скрывать стало трудно. Матвей в глухомани жил, там было проще скрыть, когда дитя родилось. Маменька торопилась приданое в узлы связать. Не простилась даже с Пелагеей, слова не молвила. Отец хоть и бранил перед свадьбой, но, прощаясь, поцеловал в лоб и благословил словом добрым, от которого потеплело на сердце у обоих, и стояли они, обнявшись, смачивая лица слезой набежавшей. Отца более не видела Пелагея. Сгорел за полгода от болезни непонятной, а маменька после сорока дней за парня моложе её на десять лет выскочила. С Пелагеей, своим единственным дитём, более встречаться не желала. Через год и её не стало. Упала с крыльца в зимнюю пору, не успел молодой муж поддержать. Вот тогда-то Матвей и не смолчал. Поехал, во всём разобрался с отчимом. Что говорили, как делили, то было Пелагее неведомо. Только денег и серебра привёз много.

Все материны изумруды в серьгах и кольцах отдал отчим. Испугался чего-то, продал всё подчистую и отдал большую долю Матвею.

Василий не ждал от Дарьи любви большой. Ему жена нужна была, помощница в делах. Мечтал свой терем срубить, детишек наплодить полный дом. Красавицу отец присмотрел, тело ладное, голос красивый, не порченная бездельем в родительском доме. Поживут, присмотрятся, глядишь, и придёт любовь, а нет, так и без неё проживут век свой. Многие так живут, детей растят. От отца уходить им надо, недобрыми глазами тот на будущую невестку смотрит, греха бы не вышло.

Данила сам бы не прочь жениться на Дарьюшке, да молодость мешает. Полюбил всем сердцем, с первого взгляда. Хотелось рядом быть, в глаза её зелёные смотреть. Прощаясь, она протягивала свою ладошку, от прикосновения которой становилось на душе тепло и тихо. Сестрой она станет, и это радовало. Покажет ей все места любимые свои, обучив на коне скакать. Уговорит брата Василия с ними объехать окрест. Пусть Дарья полюбуется красотами, душой дом свой новый примет. Многое ей расскажет о жизни ихней, до мелочей.

К двенадцати часам, выставив угощения на столы, пошли Пелагея и Матвей к артельщикам на пир тех приглашать. Пелагея подарки принесла всем пятерым: штаны из сукна и рубахи, всё разных цветов, понимая, что ехали работать, а не свадьбы играть. Каждому по размеру сшила. И когда только успела, рукодельница.

Сами Матвей с Пелагеей были так разодеты, что у артельщиков рты пооткрывались от удивления. Матвея-то они ещё в день знакомства видели разнаряженным, не в диковину, а вот Пелагея удивила нарядом и обличем своим. Платье из коричневого атласа, под цвет глаз её карих, на плечи шаль кашемировая бежевого цвета наброшена, на ногах ботиночки хромовые на каблучке, вокруг шеи кольцо золотое с рубинами, в ушах серьги массивные с тем же камнем, на руке перстень большой. Стоит, вся из себя красавица, и глаза, широко открытые, улыбкой озарены, что на губах алых играет. Мужиков оторопь взяла. Сколько прожили, а не высмотрели в ней красавицу, иль одёжка её так преобразила, иль глаза их раньше не то видели.

Приоделись мужики, в дом с хозяевами поспешили. Василий разнаряженный на крыльце встречает, в горенку Матвея гостей ведёт, там Данила разодетый образ в руках держит, чтобы родителям подать на благословение молодых. Пелагея каравай в руки на рушнике вышитом берёт, Матвей образ от Данилы принял. Все столпились у дверей. Василий в свою горенку вошёл. Прошло чуток времени, и Данила отворил дверь двухстворчатую. Все так и ахнули, увидев Дарью.

Платье до полу из шифона на атласном подкладе, по низу расшито белыми шёлковыми нитками, фата с венцом на голове из того же шифона, ноги в туфельки белые обуты. На шее кулон золотой с изумрудом, серьги в ушах с изумрудом, от которых глаза у Дарьи стали зеленее зелёного. Никто из артельщиков такой роскоши ранее не видывал. Поговаривали, что богаты Савичевы, но чтоб так...

Матвей благословил молодых на брак долгий. Пелагея каравай поднесла, чтобы вкусили молодые хлеба с солью. Данила кольца обручальные подал на блюде.

Обменялись Василий с Дарьей кольцами. Артельщики диву дивились, обряд был совершён по церковному, только батюшки и не хватало.

Дмитрий в стороне всё стоял, глядел глазами удивлёнными. Досада сердце сжигала. Продешевил, взял мало с Матвея за дочь, коль у них такие богатства есть. Да что теперь поделаешь, объегорил его сват, и крепко.

Уселись за стол. Молодые в переднем углу, под образами вывешенными. И тут было чему удивляться. Столько угощения было выставлено, что и не съесть честной компанией. Пьют мужики чарку за чаркой, а хмель не берёт, больно закуска хороша, чего только не выставили хозяева: поросёнок, начинённый гречкой с печёночкой, утки с брусничкой и капусткой, жаркое из зайчатины, пироги разные, соленьями стол уставлен. Где здесь хмелю возобладать. Попили, поели.

Пелагея вышла из горенки, принесла балалайку, молча подала Даниле. Тот мастак оказался играть. Первой заиграл плясовую для матушки, которая в пляс пустилась.

Мужики следом в круг. Алексей Тимнов такие коленца стал вытанцовывать вокруг Пелагеи, что Матвей не выдержал и сам в пляс кинулся, ревность в нём проснулась, вдруг увидел, что молода ещё его жена, если мужики такими глазищами её оглядывают. Впервые к нему такое чувство заглянуло в душу.

Гуляли до тёмной ночи. Молодые настоек не пили, разве что пригубили малость. Песен перепели не счесть. Дарья повеселела, частушками гостей и родню новую порадовала. С Василием сплясала, пройдясь лебёдушкой. Весёлой свадьба оказалась. Пришло время ко сну всем расходиться. Матвей всех на утренний опохмел пригласил. Василий с Дарьей в свою горенку удалились. Данила помог матушке прибрать со стола и полез на полати спать. Пелагея собралась на печь свою, но Матвей её остановил, сказав, что хватит им спать по разным комнатам.

Ночь светлая пришла на кордон. Луна высоко в небе висела шаром белым, освещая всё окрест. Ни ветерка, ни шороха. Только одинокий волк завывал, сидя на высоком берегу Иртыша.

Глава 6

Ранним утром, стараясь не разбудить Матвея, Пелагея выскользнула из горенки, где спала с мужем на полу, расстелив тулуп и укрывшись пуховым одеялом.

Кровать собирать не было желания, с утра мужики придут на опохмел, молодых чувствовать будут. И теперь, стоя на крыльце, всматриваясь в предутреннее небо, вдруг поняла, как сильно она любила Матвея.

Лучшего мужа и желать не надо. Ну, бьёт иногда, сам не зная за что, а она-то, Пелагея, знает свой грех, вот он, этот грех, у всех на виду, но никто о нём ничего не ведаёт. Растёт её грех, в парня красивого и стройного превращаясь, Данилушка её. Похож на отца как две капли воды. Хорошо, что тот ни разу более не появлялся на кордоне и никогда Матвею на глаза не попадался. Только и знала имя его, беглого каторжанина, что случайно обнаружила в то лето в стоге свежескошенного сена. В лихорадке, голодный, смотрел на неё испуганными глазами, будто прося – не выдавай. Выхаживала его месяц. От детей своих, Василия и Клашки, всё в секрете держала. Василию десятый год шёл, а Клаше – пятый. Матвей уходил в дальние уголки кордона и на три, и на пять дней. Вот однажды и решила она Михаила, так звали беглого, в бане пропарить, чтобы веником берёзовым хворь из него изгнать. Там грех её и случился...

Впервые за все прожитые годы Матвей этой ночью любил её, как любят самых желанных и любимых. В душе Пелагея понимала, что не ей эти ласки предназначались, но в обиде не была. Понимала, что пришла к Матвею страсть сильная, от которой ему трудно будет избавиться. Вспоминалось время, когда Михаил прятался на кордоне и какая тоска её обуревала после его ухода. Почти до четырёх месяцев не говорила Матвею о своей беременности. Тот, узнав, спокойно посоветовал поберечься, тяжёлое не поднимать. Но после рождения Данилы невзлюбил мальчонку. На все ласки того отвечал окриком и тумачом, потом сам дивился своему гневу.

– Вот убей меня, Пелагея, не знаю почему, но нет в сердце к мальцу ничего, кроме злобы. Жили бы среди людей, то нашёл бы причину, думая – не мой сын.

Но здесь, в нашей глухомани, где и людей нет, знамо дело, мой. Родись Данилка тёмным, то думалось бы, что ты с каким татаринном статакалась за моей спиной. Мало ли их поганцев здесь шастает. Не пойму себя. И чем больше проходит время, тем сильнее злоба во мне кипит. Сама его больше жалею, чтобы парень не озлобился и в душе зла не затаил на нас. Младший, может, старость с ним доживать будем. Приласкай, приголубь, ты мать.

Вспоминать хорошо, но дел невпроворот. Баньку молодым истопить, печь растопить, чтобы лапшички наваристой на стол подать. Закусок достаточно, а вот рассольчик мужикам понадобится.

Первой в баньку шмыгнула Дарья. Василий долго ещё нежился в постели, пока мать не стала будить. Подняв сына с постели, глянула на простыню, довольная сняла её, застелив свежую. Данила скотинку обихаживал, корма задавал, подстилку менял. Матвей прохаживался по двору, позёвывая.

Дмитрий ранёхонько встал, хотел с Дарьей переговорить, но та, помывшись, ушла в горенку к себе и не выходила. Да и Пелагея с ухватом стережёт те покои.

Столы вновь были накрыты. Матвей бутылей принёс новых с самогоном. Василий, чисто выбритый и намытый, ходил вокруг столов гоголем.

Когда все расселись за столом, Пелагея вошла с простыней в руках, развернула её перед компанией.

– Вот, гости дорогие, прошу засвидетельствовать, что взяли мы в дом девицу честную, о чём я, её свекровь, всем вам подтверждаю. Всеми народу деревенскому и скажите об том.

Чтоб ничего про нашу теперь Дарьюшку дурного не говорили. По нраву нам красавица! И работающая, и певунья редкая.

Дарья сидела, опустив голову, зарделась вся. Никак не ожидала от Пелагеи таких слов хвалебных о себе. Родители никогда не хвалили, а тут свекровь.

Посидели за столами – пора и честь знать. Завтра артельщикам домой возврататься. Дорога длинная, а Покров через три дня. Укроет землю белым покрывалом – не выбраться. Кони отдохнули, силушки набрались. Мужики наели себе животы, хотя должны были исхудать от работы. Данила и Дарья им такой провиант добывали, что сроду не знали мужики подобной сытости. Пелагея хлеба пекла вкуснее пирогов праздничных. Уезжать от этой жизни не хотелось.

Утром ранёхонько все были на ногах. Дарья много чего наготовила в дорогу, да от свадебного стола осталось достаточно.

Дмитрий всё не мог улучшить минуты, чтоб переговорить без людей. Потому пришлось ему прилюдно попросить Дарью вернуть бабкины серьги.

– Ты, Дарья, может, возвернёшь серьги свои. Поносила в девках, и будет, они для Нюрки сгодятся. Нам с матерью таких не купить, а тебе новая родня вон какие придарила. Отродясь изумруды не видал, а тут на тебе, дочь одарили.

Дарья сверкнула глазищами, слёзы по щекам потекли ручьями. Молча вынула из ушей серьги и, подав их отцу, пошла к озеру, не попрощавшись.

Все стояли опешив. Первым Матвей опомнился. Подошёл к Дмитрию, взял за грудки, потрянул как следует. Занёс кулак для удара, но бить не стал.

– Ты что же, аспид, дочь свою продаёшь, как животинку? Неужто сердце не ёкнуло, что оставляешь дитя в чужих людях и последнее с неё снимаешь?

Или мало ты из меня вытянул? Так сказал бы! Зачем так по сердцу девичьему ножом полоскать? Куда совесть свою потерял?

– Да ты что, сват, так разобиделся? Ежели жалко, забери назад. Мне ещё другу дочь замуж выдавать, да ещё сыновей женить. Не напасёшься на них, а Дарья что, она пристроена. Вижу – не пропадёт.

Матвей, махнув рукой, в дом пошёл, не оглядываясь. Артельщики на телегу вскочили и давай коня погонять. Уносить ноги пора, драки тут ещё не хватало. Хотя какая свадьба проходила без мордобоя? Меж собой признали правоту слов Матвея. Негоже так Дмитрию с дочерью было поступать.

Дмитрий ехал один на подводе, нагрузив её дарами от сватов. Деньги в сапоги кирзовые припрятал, мало ли какие лихие люди не ровён час в пути встретятся. Про Дарью и думать забыл. Что о ней думать, пристроена и ладно.

Мужики тоже гостинцев своим везли. Данила рыбки засушил и прокоптил в коптильне. Ягоды всякой сами между дел насобирали и засушили. Боярышник необорный уродился. А тут ещё повезло, нашли рой пчёл диких. Мёду там взяли большой жбан. Приедут домой и поделят поровну. Матвей-то какой мужик толковый, не дал улей разорять, ловко медок снял, но и пчёлам на прикорм зимний оставил, а на дереве зарубку оставил. Посмеялся над артельщиками, говоря, что дикими эти пчёлы стали от нерадивости людей, живущих недалеко и упустивших рой со своей пасеки. А пчёлы и нашли себе местечко в пне высоком. Хозяйственный мужик этот Матвей. Ладное хозяйство имеет.

Грустнели мужики, удаляясь от кордона. Домой едут, а на сердце кошки скребут. Самим непонятно было, об чём жалеют. Оглядывались, словно потеряв что.

Василий нашёл Дарью на берегу озера. Глянул в её глаза, а там боль через край хлещет. Защемило у него сердце. Да как же можно так человека довести.

– Дарья, хочешь, запрягу сейчас коня в лёгкую телегу и вмиг отца твоего догоним. Простишься и поговоришь, а захочешь – домой съездишь, со своими повидаешься. Что в такой тоске оставаться-то.

– Не надо, Василий. Отломанный я ломоть для них, обуза лишняя. Взяли за меня что хотели, а теперь и думать забудут. Серьги мне бабушка подарила, и те отец снял. Отрезал поживому меня, навсегда. Нюрка оспой переболела, лицо всё в рытвинах, вот они и стараются для неё. Нет мне ходу назад. Привыкну, я сильная.

– Да ты поплачь, поплачь, Дарьюшка! Не давай сердцу ожесточиться. Трудно с каменным сердцем жить. Я по отцу вижу, как тяжка жизнь, коли в сердце только злость. Вот возьми Данилу. Что парень не так делает? Всё ладно у него получается, а отец только и знает – тумачами награждать.

– Так ты не давай брата в обиду. Данила добрейшая душа. Матушка ваша мне по нраву. Когда первый раз увидела её, то испугалась, а теперь даже смешно.

Пойдём-ка домой быстрее. Дел там невпроворот, отмыть всё надо, по местам расставить. Обо мне не беспокойся. Слезы эти последними пусть будут.

Над озером занималась заря утренняя. Холодом тянуло. Приближался Покров.

Глава 7

На Покров день выпал снег. Он шёл весь день, укрывая землю белым пушистым покрывалом. Воздух потерял запах прелой травы. На макушках сосен лежали белые шапки. Дарья с Данилой резвились, что дети малые, играя во дворе в снежки. Между ними и было всего два года разницы. Василий наблюдал из окна горенки. Хотелось выйти и вместе с ними поваляться в снегу, попробовав его на вкус. Но как-то несолидно двадцатипятилетнему главе семьи в игры играть.

В комнату заглянула Пелагея и сказала, что они с отцом тоже решили поиграть с молодёжью в снежки, вспомнить молодость. Василий быстро оделся и пошёл следом. Что уж ему фасон держать, если старики кинулись в забавы детские. Заметил, как поменялось всё в их доме после свадьбы. Матушка стала песни тихо распевать, дела делая. Отец нет-нет, а выдаст какую-нибудь шутку. За своей женой тоски-печали не замечал. Если и не поёт, но и грусти не видно.

Дарья стояла в старом шубнячке своей свекрови, полушалке, что подарил ей Василий, в подшитых пимах. Щёки покраснелись, в глазах весёлые искорки.

Скатав ком снега, бросила в Василия, попав ему в сердце. Снежок разлетелся, оставив белое пятно на полушубке. Он кинулся за озорницей, а она прочь со двора, с громким визгом. Едва догнал у озера. Прижал её к березке и стал покрывать лицо жаркими поцелуями, чувствуя податливость губ. Долго стояли у берёзы, наблюдая за падающим снегом, который падал на воду, но тут же таял. Скоро озеро покроется толстым слоем льда, и он, Василий, отведёт Дарью в свою избушку, построенную им втайне от всех, куда любил уходить в любое время года, пропадая на несколько дней. Там, на том берегу, и дом думал срубить. Далековато от родительского взгляда, но это и лучше. Самостоятельной жизнью заживут, обособленно. Зимой дорога короче, не устанет жёнушка.

– Дарья, ты на лыжах ходить умеешь? Или у вас это за баловство считают?

– Видела, как другие бегают. Почтарь наш три деревни почтой радует. Встанет на лыжи, и только его и видели. Самой не приходилось. Тятя считал баловством это. Брата старшего жена на лыжах хорошо ходит, хотела меня научить, а мне это было без надобности.

– Попрошу Данилу, чтоб подучил тебя, а потом мы с тобой и сходим на тот берег. Места там красивые, река Иртыш бежит, несёт свои воды. Там и хочу своё гнездо семейное свить. Охотничьим промыслом всерьёз заняться. В напарники Данилу возьму, он малый смыслённый. С отцом его оставлять нельзя, без меня отец забьёт его. Пусть старики сами поживут, без нас. Когда старыми совсем станут, и Даниле рады будут. Вот вырастет брательник, женим его на татарочке красивой. Девоч у них много, согласятся. Данила с одной девчонкой пару лет уже дружит, но ни мать, ни отец не знают об том. Помнишь, ты мужика испугалась? Так не мужик это вовсе был, а подружка его, Эльмирка. Она, наверное, думала, что Данила в шалаше. Они тайком на озере и встречались.

– Так как же она так быстро могла убежать? Мужики следом, но не догнали. Одетая как мужик была. Шапка на голове вместо платка.

– Она наездница хорошая, коня, поди, припрягала подальше. А что ваши мужики топота конского не услышали, то она копыта коня всегда войлоком обвязывает.

Хорошая девчонка, ровесница Данилки. Маленькая росточком, но шустрая бестия. Он в ней души не чаёт. Говорит, что просто дружат, но она, факт, его окрутит.

Ляжет снег, и мы с тобой съездим распишемся, чтобы всё у нас было по-путному, без всяких закавык. Родишь мне дочь красавицу, а потом мальчика.

Дома ждали к ужину, и они поспешили. Снег продолжал падать. Они шли взявшись за руки. Тишина оглушала, зверьё всё попряталось.

Побежали денёчки. Жизнь на кордоне вошла в другое русло. Пелагея души не чаяла в невестке. Дела все домашние поделили меж собой, чтобы не биться задами у одной печи. Ни спору, ни недовольства. Данилу с полатей в амбар переселили, оборудовав там всё как следует. Стены и потолок доской подобрали. Матвей кровать деревянную собрал и стол на резных ножках. Окно маловато, но днём работа, а вечером так и так лампу зажигать. Устлали кровать одеялом лоскутовым поверх перины из гусяного пера. У кровати коврик постелили вязаный. Столешницу скатертью вышитой накрыли. Сам Данила шесть стульев смастерил. У входа вешалку приколотил для одежды, а в углу переднем сундук с его одеждой. Постирала Дарья его вещи и сложит аккуратно.

Съездили молодые в деревеньку, к которой кордон был приписан, брак свой оформили. Покупок всяких набрали на гостинец брату и родителям. На обратной дороге Дарье плохо стало. Рвота открылась. Василий не знал, как до дому довести. Не распрягая коня, в избу поспешил. Пелагея его послушала и стоит улыбается.

– Да ничего с твоей Дарьей не будет, не помрёт. Пару месяцев, и всё пройдёт. Скоро, сынок, ты станешь отцом. Мне очень хочется, чтобы это была девочка. Все мужики думают о сыновьях в первую очередь, о дочерях редко. Думаю, что у вас с Дарьей будет дочь, прими её сердцем.

– Кто бы ни был, маманя, это мой первый ребёнок. Как же не принять. А я планы строил по лесам с Дарьей и Данилой проехать на лыжах, пожить пару дней на Иртыше, у меня там хорошее зимовье заготовлено. В прошлом году три дня там из-за пурги прожил. Тепло, печь исправно работала. Рыбки из проруби потаскать речной, ушницей побаловаться.

– Так и поезжайте. Возьми сани лёгкие, коли Дарья устанет, вы её на санки и посадите. Ей только на пользу будет. Еды я вам заготовлю. За день управитесь дойти? Когда же ты, сын, успел смастерить зимовье, молчун наш? Отец-то знает про него или как?

– Да я, маманя, ещё ему не говорил об том. Сам корячился, бревно за бревном укладываю. Места мне те сильно по нраву, думал там и дом свой поставить, но не знал, как об том отцу сказать. Через озеро пойдём, лёд крепкий установился, наст снежный ровный, мы засветло дойдём. Вы тут управитесь без нас с хозяйством или всё же Данилку оставить?

– Ты погодь, Василий, отцу рассказывать про дом, расскажи только про зимовье. Втроём идите. Даниле надо к тебе более прибаваться. Нелады у них с отцом.

Данила, услышав слова брата, стал уговаривать захватить с собой Эльмиру. Девчонка страсть как хочет с Дарьей познакомиться, видела несколько раз украдкой со стороны, на лыжах заправски ходит, ружьишком владеет будь здоров как. Всю семью свою обеспечивает мяском и рыбкой.

– Тятя не знал, это я сам разрешал Эльмирке мой вентерь выхолощивать, не воровство то было вовсе. Она рыбу любит. Я вентерь поставлю, а она прискачет на своём рыжике и выгребет. Своих к рыбе приучила. О нашей дружбе с ней все в её семье знают. Меня всегда хорошо принимают и родители, и братья с сёстрами. Она хоть и младше братьев, но среди сестёр старшая, в аккурат посередине родилась. Шустрая, все дела быстро делает. Не обижается, что к себе не зову. Матушка ей нравится, хоть и не знакомы, а отца недолюбливает за напраслину, что он про татар говорит. Бывал он в их поселении, и не раз. Многие на него там зуб точат, но отец Эльмирки всех сдерживает и расправу чинить не позволяет. Он среди своих старшим признан, его все и слушаются.

– Не вопрос, Данила, пушай твоя подруга с нами идёт. Познакомимся, присмотримся. Дарье подругой станет. Мало ли что в жизни может быть, дружба жить помогает. Пусть и ружьё прихватит, коль стрелять умеет.

Ранним декабрьским утром, за два дня до Нового года, втроём вышли из дома. Данила тянул санки с провиантом, а Василий – со стёгаными одеялами старыми, сгодятся на зимовье. Эльмира ждала их у озера. Подросток-мальчишка и не иначе, одёжка вся мужская. Глаза озор-

ные, карие. Только румянец на щеках и фигура девичья. С Дарьей расцеловались, что сёстры, посмеялись над летним происшествием и в путь.

Шли ходко, давая Дарье немного передохнуть. Один только раз и попили чайку из снега талого, на костерке вскипячённого в котелке захваченном, с пирогами домашними. На зимовье пришли, когда уже стемнело.

Зимовье... Оно стояло среди густого леса, без окон, с маленькими отдушинами по верхней части сруба. Добротная дверь, подпертая бревном, плотно прикрывала вход. Внутри, посередине, стоял стол из струганого горбыля, к нему приставлены две скамейки. Пол из того же горбыля. У стен тапчаны с подстилкой из травы скошенной. Рядом со входом печь из речного камня, с трубой из него под самый потолок. Мастерские руки у Василия, строил зимовье с любовью и знанием дела.

В печи дровишки уложены, с берёстой и мхом сухим. На полке, высоко от пола, лампа приготовлена, свечи восковые, соль, кастрюля старенькая, несколько алюминиевых кружек, глубоких тарелок и пяток деревянных ложек. Заботливый хозяин зимовья обо всем побеспокоился, ожидая гостей.

Дарья присела на топчан и только тогда призналась, что устала по-страшному. Огонь в печи разгорелся быстро, наполняя теплом избушку. Эльмира готовила ужин. Дарья сладко спала, укрытая одеялом.

Данила с Василием обошли всё окрест. К реке спускаться не стали, на завтра оставив рыбалку. Стояли обнявшись, вглядываясь в яркое звёздное небо. Там, в избушке, каждого ожидало будущее, которое наполняло сердца надеждою.

Через день наступал одна тысяча девятьсот тридцать девятый год.

Глава 8

Пролетела незаметно зима. Пришла весна, а следом лето, жаркое, с частыми грозами и шквальными дождями, не приносящими прохлады. Казалось, что с небес низвергается тёплая вода сплошным потоком. Всё живое томилось в этой духоте. Ночью невозможно было открыть окна из-за большого количества комарья, а днём людей и животных одолевали слепни.

Дарья почти не выходила из дома. Беременность протекала тяжело, особенно в последний месяц. Василий стремился больше бывать рядом с женой, что вызывало недовольство у отца. Ссоры стали постоянными в доме. Матвей рвал и метал. Пелагея вновь перебралась на печь. Вытолкал из своей горенки взашей, ничего не объяснив. Всё понимала, но сказать ничего не могла, боясь скандала в семье.

Данила старался не заходить в дом. Брал у матери только хлеб, питаясь своим варевом. Рыбы ловил много, хватало на всю семью. Матвей не хотел видеть его в упор. Если надо было подсобить в чём-нибудь по хозяйским делам, то молча подзывал взмахом руки.

Василий сказал, что будет ставить свой дом на берегу Иртыша. Разразился скандал. Матвей кинулся на него с кулаками. Данила вступился за брата. Поняв, что сыновей ему не осилить, Матвей велел жене собрать еды и уехал на дальний конец кордона. Семья прожила несколько дней в тишине.

В середине лета родилась девочка, крупненькая, темноволосая. Назвал Василий её Полюшкой. Пелагея аж помолодела рядом с внучкой. Все домашние дела на Дарью, сама с Полюшкой нянькается. Нашила ей одёжки разной лет до трёх. Василий рад был миру между женой и матерью. Матвей ходил темнее тучи.

С Покрова снег лёг ровным слоем. Снег падал через день, укрывая землю.

В конце октября ранним утром приехал человек из районного военкомата, чтобы решить, кто из Савичевых пойдёт в армию, Матвей или Василий.

– Мне пришло распоряжение решить, кто из вас двоих служить пойдёт. Кордон без примотра оставлять нельзя. Вот и давайте порешаем этот вопрос на месте.

– Знамо дело, Василий пойдёт служить. Не мне же старику за молодого орла на службу идти, – поспешил с ответом Матвей.

– Погоди с ответом, Матвей, – остановил его приехавший. – Старый, говоришь? А хватит тогда силёнок такую территорию обходом обеспечивать? Да и дитё малое у твоего сына и году нет. Его призовут и сразу в боевые войска бросят, а ты, глядишь, на тыловых работах отсидишься.

– А ты чего молчишь, Василий, будто воды в рот набрал? За бабьей юбкой отсидеться решил, а меня, отца, в армию спровадить? – разбушевался Матвей.

– Да погодь, отец, на крик переходить! Чего орать! Пойду я, конечно. Жалко, что свой дом не успел поставить. Не ровён час погибну, что с женой и дочкой будет, – и, обращаясь к приехавшему, – когда надо явиться в военкомат?

– Со мной, мил человек, ехать надо, война на пороге. Велено всех собрать за три дня. Тебе бы надо взять с собой винтовку твою. Ты к ней привык, и служить тебе придётся с ней, родимой. Стрелки опытные нужны будут очень. О тебе слава охотника меткого идёт. Говорят, что зверьё на пушнину только в глаз стреляешь.

Дарья стояла у стены бледная, держа на руках дочь. В разговор не встревала, понимала, что сейчас решалась и её судьба. О плохом думать не хотелось, но прав Василий, высказывая свои опасения. Ни дома своего, ни скотинки какой. Вот стоит она у этой стены, держа в руках дочь, и случись что с мужем, никто её здесь держать не будет. К родителям тоже возврата нет, никому они с Полюшкой не нужны. Отец куш получил, теперь ей туда дорога заказана.

Пелагея принялась готовить Василию всё необходимое в дорогу. На стол собрала, чтобы гостя незваного угостить и самим пообедать. Данила ушёл куда-то. Хоть вернулся бы с братом попрощаться. Когда теперь увидятся. В сердце входила тревога. Страх за жизнь старшего, и младшему никакой защиты от произвола Матвея не будет. Не случайно её Матвей выставил из своей комнаты, сердцем чувствовала грядущую беду, после которой в доме сложно будет жить всем.

Василий успокаивал плачущую Дарью, уводя жену в свою горенку. У самого сердце разрывалось от предчувствий.

– Ты, Дарьюшка, ежели что, уходи от родителей. Бери Полюшку и уходи. Оставляю тебе деньги, что на дом скопил, на них домик купить небольшой можно. И вот ещё золотишко в самородках. Ходил я тут далеко, где золотишко старатели раньше добывали, там и набрал за три года по камушку. Продать тебе их поможет Эльмирка. Её папаша промышляет золотишком потихоньку от властей. До поры молчи об этом, ни матушке, ни Даниле ни слова, а уж отцу и подавно. Все золотые вещи свои при себе носи. Почувствуешь беду – не мешкай. Не знаю почему, но чувствую, не возвращусь я более домой. Прости за жизнь нашу с тобой короткую. Простимся, как будто навсегда, а уж повезёт в живых остаться, то мы с тобой и дня на кордоне жить не будем. Устал я от отца отбиваться. Он ничего, кроме силы, не понимает. Ему лишь бы человека в бараний рог скрутить. И не плачь при нём, не давай надежду, что сгину я.

Обедали молча. Военкоматовский торопил ехать, чтобы до ночи добраться. Когда возок выехал со двора, все увидели Данилу. Он прискакал на чужом коне. Спешился, привязал удочку к седлу, хлопнул коня рукой, тот и умчался.

Данила кинулся обнимать брата.

– Мне сказали, что человек с военкомата к нам поехал, вот коня дали, чтобы я успел. От соседей наших пятеро идут служить, все со своими винтовками, и ты, вижу, тоже со своей. Постараюсь для Дарьи опорой быть, не беспокойся о них с Полюшкой. Пиши. Пусть коротко, но пиши.

– Какие такие наши соседи у тебя нашлись? Продолжаешь якшаться с татарами, несмотря на мой запрет? Опорой он решил стать, гляньте-ка на него! – вновь взорвался криком Матвей. – Глянь на Дарью! Стоит словно каменная и слезинку не проронит. Нет и не было между ними ничего, разве вот дитя прижили. Не успеет муж со двора, она хвост свой и поднимет.

– А чего мне плакать! И с войны люди приходят домой. Молиться буду, ждать буду, а плакать не хочу. Не вам про любовь судить, выставили жену свою на печь и довольны, – ответила на слова свёкра Дарья.

– Ну-ну, надейся! Тебе только и осталось, что надеяться. А как там время повернёт, проживём – увидим, – процедил сквозь зубы Матвей.

Пелагея старалась не плакать, но слёзы рекой текли по лицу. Обняла сына, перекрестила его и пошла в дом, услышав плач внучки. Данила с Дарьей решили проехать немного с отъезжающими. Там, вдалеке от глаз свёкра, Дарья дала волю слезам. Данила тоже не мог скрыть слёз.

Проводили, шли, понунив головы, понимая, что пришла другая жизнь, в которой им надо держаться вместе. Дом встретил тишиной. Родители легли отдохнуть.

Дарья, прихватив со стола съестного, пошла кормить Данилу.

Приезжий долго молчал в пути, лишь понукая коня окриком, хотя в этом и не было надобности. Потом не выдержал.

– Чудной у вас отец, Василий! Ему был выбор даден. Так оставь сына дома и иди служить сам, лет-то ещё не так много. Ну, пожил, детей взрастил. Дай и сыну дитя вырастить. Да и слова последние, невестке сказанные, непонятны. Ты что, без согласия родительского женился?

– Почему же без согласия. Он сам и сосватал мне Дарью, присмотрел далече от дома. Выкуп за неё выплатил немалый. Не хочется плохо думать об отце, а мысли разные сами в голову лезут, покоя душе не дают.

– Тогда совсем непонятны дела ваши. От него же за версту злобой пышет. На младшего моршуну набросился, а паренёк прискакал с братом проститься.

Соперником себя выставляет, а не отцом семейства. Со стороны противно смотреть, что уж о тебе говорить. Душа всегда правду чувствует. Жена твоя при свёкре слезы не выронила, а как потом убивалась. Мне её очень жаль, Василий! Недобрая жизнь её ждёт.

– Давай, служивый, лучше помолчим. У самого кошки в душе скребут. Сам знаю, всем моим жить теперь в аду. Не даст отец им покоя, не даст.

Так до самого райвоенкомата и ехали молча. Там обнялись, словно братья родные, и имя узнал Василий нового знакомого. Тёзка оказался.

Вечером, когда Пелагея стала готовиться ко сну, Дарья предложила ей перебраться в их с Васенькой горницу. Есть вторая кровать, чего на печи спать скукожившись. С этого дня и стали втроём в горенке жить. Матвей всё более молчал и становился с каждым днём злее. Тишина и покой в доме наступали, когда уходил он в обход по лесам. Тогда и Эльмира приезжала. Пелагее девушка очень нравилась. Такую и в невестки взять не мешало бы. В Даниле души не чаёт. Молоды ещё оба, а любовь между ними крепнет. Не даст Матвей им быть вместе. Татары для него враги вечные. Но мысли о старшем сыне не давали покоя. Только бы остался живёхоньким. Только бы домой вернулся с войны проклятой.

Глава 9

Время тянулось медленно. Вестей от Василия не было. Всякое думалось Дарье, но гнала от себя тяжкие мысли. Стала неистово молиться перед сном. Пелагея тихонько замирала на своей постели, боясь спугнуть, ведь за сыночка её бьёт поклоны невестка. Исхудала вся, исстрадалась. Морщинки у глаз, а в глазах боль и страх затаились. В работе ту боль прячет. Всё сама и по дому, и на подворье, что тебе ломовая лошадь.

Матвей не знал, с какого боку подойти. Что спросит, невестка так ответит, как бритвой отрежет. С одним Данилой ровна и ласкова, а Матвей, видя это, ещё злее становится. Услышит их разговор, аж с лица сменится. Пелагея понимала всё, но что этому супостату скажешь. Зашибёт насмерть. Одна радость – Полюшка. Ладное дитя растёт, на неё, Пелагею, похожая.

В марте, на Масленицу, Дарья во дворе снег расчищала, когда увидела подъехавший возок ко двору, а в нём старого знакомого из военкомата. И слов не надо было, по взгляду всё поняла. Упала как подкошенная на снег и взвыла от боли в сердце. На крыльцо выскочили Матвей и Пелагея. Зашлась мать криком.

– Чего вой до небес подняли! Не к теще на блины Василий уходил, на войну! Там ему такая судьба досталась – погибнуть. Ты, мил человек, зайди в дом, блинами угостись, налибочки для сугрева выпей. Расскажи, какие теперь льготы и кому будут за погибшего. Чего и сколько, знать бы надо, – затарахтел Матвей.

– Некогда, Матвей, блины есть и налибочки распивать. Других надо посетить с печальной вестью. Поеду потихоньку. А тебе, Дарья, Василий письмо прислал, но запоздало оно и пришло с вестью печальной вместе. Возьми, прочитай его последние слова, может, полегчает. Жить надо, Дарья, дочь растить, она теперь сирота наполовину. Будет ей государство пособие платить за отца, ежели закон такой выйдет. Но с Василием и здесь непонятки, он считается без вести пропавший. Крепись! – сказал приехавший, отдал письмо и похоронку и погнал коня прочь от подворья.

– Погодь уезжать! Как это без вести пропавший? Он что, и вернуться ещё может? – кричал вслед уезжающему Матвей.

Дарья в дом не пошла. Зашла в амбар, где Данила проживал, зажгла лампу и раскрыла письмо. Василий писал, что служит в группе снайперов. Часами приходится лежать затаившись, примерзая к подстилке. Но другим ещё труднее. Надеялся, что война скоро закончится и он вернётся домой. Просил написать письмо ответное, спрашивал про дочь. О матери и брате просил написать. Отметил, что финны хорошо к войне подготовились. Ещё о земляках написал. Встретил он на фронте Михаила Силантьева. Поговорили о жизни. Признался тот, что мечтал жениться на Дарье, но окружили его родичи с Катькой, девкой подлой. Скандалы чинила, что беременна от Михаила, а сама понесла от другого человека. Будь тот русский, никто бы правды и не узнал, а оказался парень-казах. Дитя родилось копия папаша. Срам-то и открылся. Михаил подал на развод и возвращаться назад не думает. Почему-то просил Василий, чтобы помнила Дарья о займке на Иртыше и Данилу о том предупредила. А зачем и почему, не написал и велел письмо сжечь.

Матвей, узнав, что письмо сожжено, бушевал весь вечер, обзывая Дарью дрянью.

– Ты что это, девка, дрянь неблагодарная, удумала письма сыновьи от нас с матерью прятать? Вышвырну из дому, пойдёшь по миру. Внучку не отдам, на неё, может, пособие какое будет. Я с тобой и отцом твоим сполна рассчитался. Не дам более себя обирать всяким голодранцам. Хватит вам мою кровушку пить!

– Кто у кого ещё пьёт, Матвей Савельевич! Вышвырнуть решили? Прав был ваш сын, уходя на фронт, что не будет места нам с дочерью в вашем доме, сживёте со свету, куском попрекая. Уйду и без вашего крика. Не больно-то хочется в батрачках оставаться. Найду

и работу, и дом новый, где мне рады будут. А дочь отдадите, судом заберу, ежели артачиться начнёте. Матушку Пелагею с Данилой жаль только. Сожрёте и не подавитесь! К татарам уйду. Люди они добрые, не чета вам. Год поношу траур и выйду замуж. Сегодня же и уйду! – вспылила Дарья на слова свёкра.

Матвей стоял, разинув рот от удивления, губами шевелил, а слова не получались. Глазища вытарашил, того и гляди кондратий хватит. Потом присел у стола.

– Погодь, погодь, Дарья! Чего это мы на крик перешли. Никто не гонит тебя из дому, вспылел я от злости, что письма не показала, может, там для нас с матерью пара строк была. Год, говоришь, траур носить хочешь? По-божески это, правильно решила. Живи этот год тут, при нас, его родителей, а там жизнь покажет. За год много воды утечёт. За слова обидные прости, злость обуяла, а язык, что помело, лишнего наплёл.

С того дня меж собой они больше и не говорили. Дарья только с Пелагеей и Данилой беседы вела. Все трое чувствовали – неспроста Матвей так затаился. Данилу перестал гнобить, Пелагею к себе в горенку попросил перебраться, но она отказалась, и он промолчал, не стал кричать и кулаками сучить. Смирился с её решением.

В конце марта Данила ушёл в поход по лесам на несколько дней. Сердце Дарьи тревогой холодело. Матвей всё выпытывал у Пелагеи, где сын. Услышав, что к татарам подался на какой-то там праздник, кричать не стал.

Данила возвратился задумчивый. Пригласил Дарью на лыжах покататься, предупредил мать, чтобы съестного им поболее приготовила и крупички какой положила с салцом. Рыбки сушёной прихватил торбу. Пелагея в догадках терялась. Матвея дома не было, по делам отлучался, а возвратившись, устроил скандал, сказав, что нет у неё ума, раз отпустила двоих молодых одних.

– Соображать бы тебе, старая, надо! Обрюхатит Данила невестку, как пить дать, обрюхатит. Дело молодое, сотворят грех, а нам потом людям гляди в глаза.

– Да что ты такое мелешь, Матвей! Данила дитя ещё, и не вдвоём они пошли, с ними ещё девка татарская, Эльмиркой зовут. Она шибко нашего Данилу любит, ровесница его. Они дружат сызмальства. Дарья её хорошо знает.

– Эльмирка, говоришь? Та ещё бестия! Охотница хорошая. Значит, ей Данила наш по нраву? Так это и хорошо, значит, никакого греха у них с Дарьей и не будет.

Сам Данила это отродье басурманское выбрал, мешать не стану. Пусть хоть и веру ихнюю принимает. Мне теперь ни холодно, ни жарко.

Повеселел Матвей, даже с внучкой понянчался, пока Пелагея на стол собирала. Скверно стало на душе Пелагеи. Сердцем давно уже поняла, что муженёк неровно дышит к невестке. Свиристует только от того, что та его взгляды никак не понимает. И сына на фронт спровадил в надежде на его гибель. Хоть и знала об Василии, но теплилась надежда – не погиб, а может, в плен попал к финнам. Пуцай хоть на чужбине, но живой её кровиночка останется.

Ещё издали Дарья увидела дымок из трубы избушки. Сердце бешено колотилось в груди, последние метры бежала, сбросив лыжи. На топчане лежал человек, укутанный в одеяла. Признать в этом заросшем человеке Василия было трудно. Стояла, вглядываясь.

– Я это, Дарьюшка, Василий. Вот занемог, пока добирался в свою берлогу. Домой нельзя было, отец бы сразу сдал властям. Матушке не надо говорить, потому как не выдержит и скажет отцу, а он тогда всех нас со свету сживёт. Отлежаться мне надо, сил набраться, и уйду я, Дарьюшка, в страну другую. Потом, когда встану на ноги, заберу вас всех, не оставлю с отцом.

Дарья кинулась на грудь ему, слёзы полились ручьями. Вошедшие Данила и Эльмира стояли у двери, боясь шелохнуться. Вот уж десять дней выхаживала Эльмира Василия. Жила при нём неотлучно. Брат ей помогал. Сюда привезли, чтобы от властей спрятать, а потом и Даниле сказали.

Эльмира кинулась ужин готовить, чтобы горячего дать больному. Сутки без варева был, пока за продуктами ходила, одежду свежую принесла и котелок побольше. Обмыть бы надо, натопив печь пожарче. Брить бороду и стричь волосы рассоветовал отец Эльмирки. Так труднее в нём будет признать Василия. Настоек травяных наготовила дома.

Управились с делами. Василий сидел на топчане, укрытый одеялами. Сели вокруг и попросили рассказать Василия обо всём, что с ним приключилось. От его рассказа холодела душа. Каждый представлял себя на его месте.

Глава 10

Тяжка солдатская жизнь на войне. Провианта не хватало. Сутками в промёрзших окопах. Горячей пищи практически и не видели. Снайперам давали сухой паёк, а вместо воды снег и льдинки. Василию была поставлена задача уничтожать снайперов вражеских. Терпение нужно было большое. Лежи и жди, пока вражеская душа произведёт свой выстрел, чтобы в тот же момент ответить ему пулей и не дать больше губить солдатушек.

Василия уважали во взводе за меткость его, спасающую многие жизни. Но и там, на той стороне, были меткие стрелки. Всего-то и повоевал два месяца, а казалось, что прошла вечность. Подранили Василия, легко, по касательной в бок, но задело сосуд крупный, сказалась усталость и потеря крови. Как оказался в плену, не помнил, а там бараки холодные, кормёжки никакой. Рану его хорошо почистили, и сам следил толком, быстро затянулась. Охраняли их слабовато, вот и решил он бежать, к своим пробиваться. Но пыл его охладил новый пленённый солдат, который поведал, как с возвращенцами поступают. Сразу, не разбираясь, в лагерь отправляют, обвиняя в предательстве, а кого и под расстрел без суда и следствия. Имел понятие о лагерях, посмотрелся в родных краях.

Однако, случилась оказия, и решился он на побег. Шёл тропами звериными, обходя и людей, и зверей. Судьба будто берегла его, где одёжку подкинет, где кусок хлеба. Оброс так, что на старца стал похож. На третий день вышел на финский хутор, дом стоит и подворье богатое. Хотел лыжи взять и уйти по-тихому, как вдруг за спиной услышал звук передергивающегося винтовочного затвора. Женский голос что-то сказал на финском, он не понял, что. Стоял не шелохнувшись. Потом услышал смех. Оглянулся, стоит молодая бабёнка, глядит на него весёлым взглядом, не боится. Заговорила чудно, вроде и по-русски, а все слова исковерканы.

– Ты рускай? Ты золдат? Зачем воровать хотель мой лыж? Кушать хочешь? Финский бань хочешь? Ты бежалъ лагерь? – сыпались вопросы.

Многое рассказала молодка. Вдова уж много лет. Муж старый был, детей не могло от него быть. Умер внезапно. Другие не сватали, и пришлось жить одной.

Пообещала вывезти подальше и показать, где можно уйти в Россию, не столкнувшись с погранцами. Баня была готова, еды диковинной, аж стол ломился.

Разморило Василия от тепла и еды, уснул крепким сном. Среди ночи проснулся от жарких поцелуев, не стал отталкивать, потому как другим нечем ему было платить молодке за постой. Не велика плата для мужика. Айникки, так звали женщину, не стыдилась своей горячности, любила, как самого любимого любят.

– Останься, Вассылий! Спрячу от любых глаз. Детей нарожаю и отпущу домой навсегда. Только не спеши уходить. Побудь здесь хоть недельку.

Утром, на рассвете патрульные нагрянули. Айникки спрятала Василия быстро в погреб, вышла уверенная, кутаясь и позёвывая. О чём-то поговорила. Патрульные уехали дальше. Выпустив Василия из погреба, сидела у стола, уронив голову на руки. Видно было, что очень расстроилась от новостей. Объяснять ничего не стала.

Поспешно собирала самые необходимые вещи, складывая в мешки. Еды набрала, какая в кладовой хранилась. Всё молча, грустно поглядывая на Василия.

– Скоро здесь ваши будут. Дома жгут, народ куда-то вывозят. Всё, закончилась моя спокойная жизнь. Предупредили, чтобы дальше на север уходила, захватив самое ценное. Вот провожу тебя, как обещала, и сама в путь. Куда, где найду себе пристанище – не знаю даже. Спасибо тебе за эту ночь. Будет потом о чём вспомнить. Запомни надолго – тебя здесь всегда ждать будут.

Переправила Василия благополучно через границу. И то правда была её, не встретили пограничников. Шли на лыжах. Лёгкий снегопад заносил след. Простились, будто годы про-

жили вместе. Василий шёл не оглядываясь к Онежскому озеру. Торба с продуктами за спиной не мешала. Долго шёл, ориентируясь на восток, пока не набрёл на татарское село, поговору понял. Из сил выбился, решил выйти к людям. Приняли без лишних вопросов. Отмыли, дали отлежаться, отогреться. Потом спросили, куда держит путь, а услышав, что дом его за Уральскими горами, на Иртыше, спросили, не знает ли он кого из ихних татар, живущих там. Назвал имя отца Эльмирки. Оказалось, что его знают хорошо. Пообещали ему помочь добраться домой. Понимали, кто он и откуда идёт, но помогли и бумажонкой снабдили, дав татарское имя.

Только знал Василий, что в родительский дом путь ему заказан. Помнил нрав отца. Тот не потерпит в своём доме беглого – сдаст, не задумываясь. Совсем хворым попал в дом к Эльмирке. Она его и не признала поперву. Боясь подвести семью её, попросил на зимовье помочь добраться. Решил, что уйдёт навсегда из родных мест. Отец Эльмирки обещал документ понадежнее выправить на основе бумажонки, полученной далеко от родных мест. Там видно будет, когда дочь с женой забрать сможет.

– Ты, Дарьюшка, уходи от родителей куда подалее на юга. Народ там разный проживает. Купи себе домишко небольшой, повдоставь, а потом и по новой поженемся. Если всё аккуратно сделать, то всё у нас получится. Не сомневайся, я тебя не оставлю здесь одну.

От рассказа Василия у Дарьи защемило сердечко. Хорошо, что честно признался в своей измене, но было больно за себя, за жизнь свою поломанную. Ничего их уже не ждёт хорошего в будущей жизни. Не будет ей покоя в доме его родителей. Внимание свёкра становилось невыносимым, грязнило душу. Рассказать бы всё Василию, но понимала, что тому и без её рассказов жизнь невесёлая предстоит. Зачем ему-то сердце травить. Пока деверь с подругой охотились, любила своего Василия, будто прощаясь навсегда. Василий ничего не говорил, но по глазам было понятно, винился он перед Дарьей в своей измене, казня себя.

Возвращаться домой без добычи не хотели, не должны родители заподозрить что-либо. Данила с Эльмиркой весь день рыскали по окрестности, ставили силки на зайцев. Эльмире удалось подстрелить лису, и она решила передать её в подарок Пелагее.

Пришло время прощаться. Надо было домой возвращаться. Небо хмурилось, предвещая снегопад. Это было кстати, все следы заметёт, скроет от глаз любопытных.

Василий стоял у притворённой двери. Слабоват ещё, а так бы и побежал за ними следом, догоняя брата и жену. Боль в сердце пришла невыносимая. Через пару дней Эльмирка придёт навестить его. Хорошая подруга у брата, верная. Свидится ли он ещё со своими? Обнимет ли дочь свою, любимую кроху?

Дома Данилу и Дарью встретил колючий взгляд Матвея. Однако вслух ничего им не сказал. На добычу даже и не взглянул. Пелагея быстро затопила баню.

Понравилась ей лиса, подаренная Эльмиркой. Сама всё заглядывала в глаза молодым, будто вопрошая. Чудилась ей тайна какая-то, но спросить боялась.

Матвей несколько дней уходил из дому спозаранку, а возвращался затемно. Однажды возвратился с опалёнными руками и лицом. Сказал, что придремал у костра. От мазей Пелагеи отказался наотрез. Зыркнул на неё так, что та и обомлела от страха.

Данила уехал к соседям, сыскав пустычный предлог, а через три дня возвратился постаревший на десяток лет, с седыми висками, будто и не юноша он был.

На все расспросы матери и Дарьи отмалчивался. Криком кричал в своём амбаре.

Дарья не вытерпела неизвестности, вошла к Даниле, присела у стола. Долго сидела, глядя на лампу горящую.

– Беда какая случилась, братка? Не молчи! У меня сердце всё изнылось от предчувствия дурного. Была ли Эльмирка на зимовье? Как там?

– Нет, Дарьюшка, более зимовья! И Эльмиры моей тоже нет! Сгорело зимовье. Кто-то подпалил, а двери крепко подпёр с улицы. Не одна там Эльмира сгорела. Кто-то ещё, но не Василий наш, росту другого, может, охотник какой. Этот кто-то спасал Эльмиру, накрыв

собой, у неё даже лицо не пострадало. Сердцем чувствую, что отцовских рук дело, но не доказать! Стрельба там была, но кто в кого палил, непонятно. Кровь на снегу нашли родичи Эльмирины, гильзы стреляные. Лыжня на ту сторону Иртыша уходила. Пусто у меня на сердце, сестрица моя милая. Сил нет жить дальше. Потерял я любовь свою единственную. Думаю уйти к её родным. Боюсь, не выдержу и пристрелю отца. Кто знат, может, и не он вовсе.

Дарья сидела, прислонившись к стене, от боли сердце жжалось, хоть криком кричи, а голоса нет. Вошедшая Пелагея от вида невестки и сына стояла у двери, крестя свой лоб. Ознобом прошло по спине, ноги ватные стали. Сына узнать было невозможно. Сидит мужик седой, согнув по-старчески свою спину.

– Ой, что же вы всё от меня скрываете, родненькие мои? Какая беда пришла к вам, что вывернуло вас будто наизнанку? Не молчите, прошу вас, детки.

– Беда, матушка! Хотели молчать, пока всё не закончится, а оно вон как...

С Василием мы виделись, в бегах он, прихворнул. Эльмирка за ним ухаживала. Боялись мы сами, чтобы не нанести ему вреда. Думали, поправится и уйдёт куда подальше. Да упредила нас какая-то сволочь. Видать, по тёмному времени поджёт, подперев дверь. Сгорела моя радость, Эльмирушка. Вчера схоронили. С ней ещё кто-то, а про Василия ничего не известно, – ответил Данила.

Каждый думал только на Матвея. Молчали, не говорили вслух, но думали. Потекла жизнь тяжкая. Проталинки появились. К Вербному воскресенью распушилась верба. Вскоре и пасхальная неделя прибежала. Пелагея стала примечать, что воротит Дарью от еды, а значит, остался след от пребывания Василия в краях родных.

Данила решил уйти из дома навсегда, отца не предупреждая. Пелагея понимала, что и Дарье не следует оставаться. Сама попросила уйти вместе с Данилой, а там видно будет. Полюшку попросила оставить, пока на ноги не встанет. Второе дитя под сердцем скоро биться начнёт. Матвей такого поворота не ждёт и неизвестно как поведёт себя. Лучше подальше и среди людей. Данила сходил к родным Эльмирки, приняли его там.

Матвей уходил из дома каждый день. Не выдерживал пристальных взглядов сына. В сердце закрадывался страх. Теперь и татар надобно остерегаться, те разбираться долго не будут, повесят гибель своей девки на него и учинят расправу. Лучше уж среди зверья день проводить.

Возвратившись в один из вечеров и не застав молодых в доме, спросил, куда это все подевались, и услышал от Пелагеи:

– Всё, Матвей, одним нам теперь жить. Данилка к родным Эльмирки ушёл навсегда. Дарья тоже не захотела у нас оставаться. Полюшку пока оставила, а там как жизнь сложится.

Лёжа в ночи с открытыми глазами, Матвей думал о жизни своей. Выходит, зря грех на душу взял, подпалив зимовье. Думал, там Данила со своей кралею воркуют голубками, ан нет, жив стервец остался. Теперь во вражьем стане жить будет. Дарья... Всё бы отдал, чтобы его стала. На новое душегубство пошёл бы, чтобы от жены избавиться. Да вот она на него иначе смотрела, за старика принимая. Одед бы во всё новое и богатое, побрякушками золотыми обвесил, но не нужно ей ничего от него. Не получит она от него дочери. Всё сделает для этого. Думает, поди, что родители примут её, голодранку, в дом. Как бы не так. Он хорошо понял характер свата. Не примет он дочь, и на сердце становилось легче. Помыкается Дарья и возвратится на кордон как миленькая.

Глава 11

В семье Эльмирки приняли Данилу и Дарью как самых дорогих гостей. В горе пребывала вся семья. Глава семейства, мудрейший Бабаджан, старался ободрить всех, скрывая боль своего сердца. Уговаривал всех, что надо жить дальше, не забывая ушедшую. Останавливал сыновей от скорой расправы над Матвеем, вина которого пока не была доказана. Даниле советовал тоже остудить свою головушку.

– Ты, сынок, не спеши! Нет доказательств, что это твой отец сотворил зло. Надо время, чтобы разобраться во всём, не надо спешить. Василий не оказался в этой ловушке, но не известно, кто был тот незнакомец, укрывший дочь мою своим телом. Значит, хотел её уберечь, а враг так не поступает. Много тайн, а когда мы найдём разгадку – кто знает. Дарье помогу продать золотишко Василия, на небольшой домик ей хватит. Здесь лучше не оставаться, пусть домой возвращается. С Василием нет ничего определённого. Где он, что с ним. Моя жена говорит, что на сносях невестка ваша. Ей дитя надо родить, на ноги двоих поднимать. Свой своему поневоле брат. Там отец, мать, ну, не звери же они, чтобы свою дочь не принять.

Мудрый Бабаджан мерил людей своей меркой. Глава большого семейства, он не представлял, что можно не любить дитя своё. Данилу принял как сына родного. Понимал, надо время, чтобы слегка стёрлась память о горе.

Собирая Дарью в дорогу, обо всём позаботился. Одежду дал справную, в дополнение к той, что ей от прежней жизни досталась. Деньги подсказал куда спрятать. Сына старшего с ней отправил вместе с Данилой. Доставят до места, помогут домик какой купить, обустроить. Пару телег снарядил. В одну кровать разобранную со столом добротным и пару скамеек резных. Новые одеяла и подушки женщины подарили. Эльмиркины наряды отдали. Будет память о подруге.

За три дня пути подустали здорово. В деревню Дарьину въехали на вечерней зорьке. В субботний день попали. У родительского дома остановились. Вышел первым Дмитрий, не обняв дочери, пошёл к телеге со скарбом. Отстранил Данилу рукой и стал рассматривать привезённое.

– Это что, Дарья, всё твоё? Маловато будет для вдовушки! Наслышаны мы, что Василий твой без вести пропал. Клашенька, сестра его, сокрушалась, куда теперь тебя девать. А ты вон какое решение приняла – отцу на шею свалиться. Мы так с матерью и думали. Нам места и самим не хватает, сама понимаешь, полный дом народу. Куда тебя с дитём принимать, ума не приложу. Летом на дворе разместишься, а к зиме не знаю какой выход искать.

– Мне, тять, нет надобности в твоём доме жить, свой прикуплю, если есть на продажу, а нет, так в соседних деревнях поищу. Вижу, не готов ты принять дочь. Ничего, найдём себе постой на пару дней у добрых людей, – ответила Дарья отцу.

– Дом, говоришь, покупать хочешь. Знать, деньги есть. Погодь, куда поспешаешь, у нас останавливайтесь. Банька натоплена, помоешься с дороги.

– Да не нужен мне ваш двор, найдём себе место у людей в избе. Деревня большая. Хоть бы к тётке Матрёне с дядькой Алексеем попрошусь на пару деньков. Тимновы всегда хорошо ко мне относились. Дядька Алексей ещё на кордоне сказывал, что рад будет и в своём доме принять.

Из-за спины Дмитрия показалось лицо рябой Нюрки, смотревшей на приехавших с опаской. Сестру и не признавала. Парней рассматривала с любопытством.

– Тять, это кто такие понаехали на нашу голову и чего хотят? Маманя в бане парится, спрашивает, кого ещё тут на ночь глядя принесло, – пропищала сестра Дарья.

– Ты чего это, Нюрка, и признавать меня, сестру свою, перестала? Иль не похожа стала на себя? Иль где дорога тебе перешла? – не выдержала Дарья.

– Ой, никак Дарья возвернулась, тятя?! Насовсем или как? Неужто в дому у нас хочет жить? Самих полон дом, лечь негде, – затарахтела Нюрка.

– Не встречай, Нюрка, в наш разговор с Дарьей! А ну, иди самовар ставь и мать предупреди! – и, видя желание Нюрки открыть снова рот: – Цыц, сказал тебе!

Дарья уже разворачивала свою телегу прочь от родительского дома. Следом за ней поспешил и Данила. Брат Эльмирки удивлённо покачивал головой. Вслед слышался голос Дмитрия, призывающий дочь остаться.

Тётка Матрёна встретила с улыбкой и объятиями. Не родня Дарья, но ведь своя, деревенская. Пригласила в дом, стала чаем угощать с дороги. Вся семья сидела с улыбчивыми лицами. Каждый хотел угодить гостям, подавая то шаньги, то варенья прошлогоднего отведать. Передохнули слегка, потом в баньке помылись. Никто не спешил спать. Говорили до первых петухов, рассказывая о жизни своей. Разлетелись детки Тимновых кто куда. Внуки только у дедов, но это пока. Сын старший раненый вернулся после войны с финнами. Теперь в городе по больницам мается. Жена при нём, а деток сюда, в деревню, на молочко и хлебушек дедовский отравили.

– Ты, Дарья, правильно сделала, что вернулась. Среди своих надо быть. Избу мы тебе присмотрим, есть пустые, возьмут недорого, ежели купить, а могут и на постой пустить. Как тебе захочется. Смотрю, привезла кое-что с собой. Наши деревенские помогут, – успокаивал дядька Алексей.

Изба сыскалась, Дарье понравилась. За день мужики плетень поправили вокруг двора и огорода. Дарья с Матрёной начисто стены снаружи выбелили, окна отмыли. На следующий день в избе порядок стали наводить. Протопили печь, горела исправно. Стены подмазали, подбелили. На окна занавесочки из ситца повесили. Мужики кровать и стол с лавками занесли. Матрас соломой набили, кровать одеялами дарёными застелили. Матрёна дорожку придарила на пол. Изба засияла чистотой и уютом.

Рядом с избой стояла высоченная черёмуха. Данила с Алексеем Тимновым решили под ней стол соорудить и пару скамеек к нему. Милое дело в летнее время чайку попить. Работа шла споро. Приходили и другие мужики, постояв, посмотрев, принимались за работу. Кто советом, а кто и делом. Доски приносили, гвоздями делились. Дарья с Матрёной большой замес глины сделали, чтобы сарай снаружи обмазать, и здесь нашлись помощники. Расходились поздно вечером, усталые, но довольные. Подсобили вдовой бабёнке своё жильё отремонтировать.

Майская пора в деревнях – время важное. Огороды пашут, картошку сажают.

Данила с Алексеем Тимновым перепахали огород, картошку под плужок высадили, проборонили. Семенами соседи делились. Несколько грядок морковки, свёколки, лучка набросали. Обещали капустной рассадой поделиться.

Родственники Дарьи и носа не казали. Сестра Данилы Клашенька через пару домов жила, знала, что брат младший в деревне, но не пришла, в дом к себе не пригласила, не попотчевала даже чайком. И ему не захотелось навещать сестру. Помог Дарье, и поехали с братом Эльмирки восвояси. Уезжая, долго говорил с Дарьей о дите, что под сердцем носила. Данила хоть и молодой был, но понимал – много вопросов будет к Дарье.

– Хочу, Дарьюшка, одно предложение тебе сделать. Ежели будут донимать расспросами, чей ребёнок, кивай на меня. Не откажусь. Думается, такие вопросы не только у людей, но и у власти появятся, когда разродишься. Кому скажешь про Василия, то сразу упекут куда подальше от родных мест. Молчат, пока отец наш не прознал про это. Он первый начнёт до истины докапываться.

Уехали, оставив одну телегу и коня. Так мудрейший Бабаджан распорядился и документ правильный составил, чтобы ни у кого сомнения не возникало.

Телегу можно продать или иметь на хозяйственные нужды, а вот лошадку всегда можно на хорошую корову обменять.

Прощалась Дарья с Данилой, умываясь горячими слезами. Оставалась одна-одинёшенька среди людей. Как она, жизнь, повернётся. Хорошо хоть дитя родится в конце года, многое можно успеть переделать. Летние дни длинные. Работать опять в колхоз пойдёт, на хлебушек заработает, всё остальное самой взрастить надо.

Неделю прожила уже в родных краях, а матушка и зайти не изволит. На что обиделись – она понимала. Не отдала привезённые денежки в семью, потратила на избу отдельную. Да и Дарье не захотелось на поклон идти в родительский дом. Обида не проходила и за прошлое, и за встречу теперешнюю.

Председатель колхоза определил в доярки. Работа тяжёлая, приходилось поднимать тяжёлые фляги. Проработав три месяца, пошла к фельдшернице за справкой о переводе на лёгкий труд. И покатила новость по деревне. Мужик без вести пропал, а она без стеснения с животом в своё село возвратилась. Первой Клашенька, сестра мужнина, вскинулась. Прилюдно решила ославить невестку в сельпо.

– Гляньте, бабоньки, на эту стерву! Брательник на войне сгинул, а она тут же нашла хахалю! Не зря мои родители её из своего дома выперли.

– Ты, Клашенька, язык свой прикуси и другим накажи! Хахалю, говоришь, завела? Это откуда бы ему на кордоне было взяться? Смекать надо! Там только два мужика. И рожу я тебе или брата младшего, или племяша! Вот такая твоя семейка! И не выперли меня, а сама ушла, получив свой надел, – ответила ей Дарья.

В последние дни года родила Дарья дочь. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – девочка вылитый Василий. Не скрыть, не спрятать. Народ молчал, и Клашенька язык прикусила, теряясь в догадках, чьё дитя. Ждала оказии домой съездить и переговорить с родными.

В конце мая приехал в деревню Матвей Савичев. Ходил вокруг дома Дарьиного, высматривая, выглядывая невестку с дитём. Встретились среди улицы. Посмотрев на девочку, враз всё понял. Василия дочка, нет сомнения никакого. Но как и откуда? Резанула по сердцу догадка.

– Так там, на зимовье, Василий всё же был! К нему на свиданку вы с Данилом сбегали. Чужало моё сердце! Где-то рядом беглец находится. Проследил за девкой татарской, думал, она с Данилой в зимовье любовь крутит. Ан нет! Василия вы там прятали.

– Так если понимали, что там сын, то почему жгли? Совесть не мучает по ночам? Сгубить дитя своего и жить дальше! – глядя в постылое лицо, прошептала Дарья.

Матвей уехал, а через три дня Дарью арестовали приехавшие милиционеры. Объяснять ничего не хотели. Вызвали её родителей в сельсовет и велели временно забрать дочь Дарьи до решения суда. Какой суд, за что будут судить, толком не объяснили.

Ранним утром в начале июня увезли Дарью в город. Сердцем понимала, что арест связан с Василием. Не хотелось верить, что донос написан свёкром, но всё указывало на это. Допрашивали её непрерывно несколько часов, не давая пить. Следователь задавал одни и те же вопросы.

– Ты не молчи, девка, расскажи, где и при каких обстоятельствах виделась с мужем? Почему не сообщила в милицию?

– Не видела я мужа, и сообщать было не о чем. Жила всегда при его родителях, пусть они вам скажут.

– А дочь откуда взялась вторая? Есть подтверждение, что очень похожа на твоего муженька. Что теперь скажешь, стерва? – свирепел следователь.

– Значит, одного рода дитя. Не мой это грех. Кто совершил его, тот пусть и кается. Нет моей вины ни в чём. И мужа я не видела.

Сидеть бы Дарье долгие годы по тюрьмам, но помощь пришла неожиданная от военкоматовского служивого Василия. Тот пришёл на свидание и подсказал, чтобы написала письмо Калинин в Москву. Сам же его и отправил. Показания против Матвея дал, что тот, мол, глаз на невестку ещё при сыне положил, а она не приняла его ухаживания. Знать, и дитя его, а за то,

что ушла с кордона Дарья, решил ей отомстить. Допросы прекратились, а восемнадцатого июня сорок первого года пришёл надзиратель и велел с вещами на выход идти. У ворот тюрьмы встретил старый знакомый Василий. Помог попутку поймать. Прощаясь, сказал шёпотом:

– Не горюй, Дарья, может, и жив твой Василий и придёт время – свидитесь. Но ежели и нет, то живи и за себя, и за него. Хороший он мужик у тебя! Не хочу говорить слово «был». Не верю в его погибель, и ты не верь.

Домой добралась глубокой ночью. Не стала будить никого. Изба была закрыта только на притвор, без замка. В избе грязища непролазная. Упала без сил на кровать и проспала до солнца высокого. Огляделась поутру. Всю одежду её прибрали к рукам родственнички, подчистую. Горшками и то не побрезговали. Растопила печь, воды поставила погреть в ведре стареньком и пошла в родительский дом. Мать встретила на пороге испуганным возгласом:

– Возвернулась! Не ждали, не чаяли. Это хорошо! Сладу с твоей дочкой нету. Кричит твоя Катька цельными днями, прожорливая донельзя. Измаялись мы с ней!

– Я пришла сказать, чтобы всё, что выгребли у меня из избы, возвернули до последней нитки! И корову в стойло тоже. Зерно, муку и курей моих. Сколько потрачено – возьмите, но чтоб по совести, – ответила Дарья и, забрав плачущую дочь, ушла к себе.

Целый день братья и сестра таскали её вещи на виду у всей деревни. Вечером бурёнка сама пришла к избе из стада. Матрёна принесла хлеба свежего, ватрушек. Рассказала, как пытались они с мужем Алексеем урезонить Дарьиных родственников не растаскивать добро, а дожидаться исхода суда. В очередной раз выставили себя на посмешище.

Первому о начале войны сообщили председателю. Собрав народ около конторы, говорил кратко. На службу призывались почти все мужики деревенские, а работа и по дому, и в колхозе ложилась на женские плечи.

– Нам теперь, бабоньки, всё на свои плечи взвалить придётся. И сено заготовливать для скотинки, и урожай самим собирать. Надо всем усвоить одну истину – время настало военное и жить надобно по нему. За малейшую провинность под суд можно попасть.

Заголосили бабоньки, дети малые на руках, дома дел невпроворот, а теперь и колхозные дела на их плечи. Сколько эта война проклятая продлится – никому не известно. Вернутся ли мужики домой целёхонькими. Многие на Дарью поглядывали, только теперь осознав её горькую вдовью долю. Хлебнула девка сполна в свои неполные девятнадцать лет.

Через неделю пришла из района полуторка. Мужики стояли у конторы хмурые, с котомками за плечами. Бабы голосили, прижимая к себе деток. Опустела деревенька, затихла. Председатель всех по местам расставил, кого в конюхи, кого на покос, кого в доярки. Дарью бригадиром назначил в бригаду косарей. Дочь в ясли пришлось сдать.

И началась совсем другая жизнь. Работала, что лошадь ломовая, с зорьки утренней до звёзд первых. С родителями почти не общалась. Отца на войну не призвали, хворым оказался, но работать заставили. Наступила пора и брату Павлу на войну собираться. Пришёл проститься. Винился за своих и себя, просил не поминать лихом. Шёл второй год войны. Половина деревенских семей получила похоронки. Нюрка работала почтальоном. Ненавидели её в деревне пуще той войны. Вручит похоронку и слова доброго не выкажет.

Глава 12

Война принесла в дома соседней много бед и горя. Кто-то навсегда потерял кормильца, а кому посчастливилось, вернулся муженёк домой, но пил беспробудно. Если и раньше детей больше тумачами уму-разуму учил, то теперь ничего, кроме пьяной брани, детки от него не слышали.

Искалеченные, кто без руки, кто без ноги, а порой и без обеих, заливали они своё сознание водкой или брагой, которую заставляли делать, забирая у детей последний сахарок. Чуть что не так, кидались на жён с кулаками. Ходили бабы деревенские в синяках и ссадинах, а порой и с пробитыми головами.

В деревеньке из мужиков – одни юнцы безусые. Вдовушки и ими не брезговали. Порой и деток от них рожали. Не понимали они Дарью. Ведёт себя, словно монашка, никого к себе не подпуская. Вояк блудливых метлой со двора гонит, а парням подрасти советует, ума набраться.

Юнцы те большую работу делали, гоня обозы с хлебом в зимнюю пору. Младший брат Иван в свои шестнадцать лет смотрелся шупленьким и хворым. Друг его и напарник Пётр, напротив, смотрелся крепышом. Рос один у матери вдовой, работающей при школе истопником и уборщицей. В сыне души не чаяла. Мечтала о невестке с хорошим приданым. Видела, как бабы деревенские сына к себе зазывают, спаивая припасённой водочкой, но не беспокоилась. Женится и остепенится. Молодые все погуливают и попивают.

Со своей подругой Катькой встретила Дарья случайно в районном центре. Одета та была в казахскую национальную одежду, располнела до неузнаваемости. Не окликни её Екатерина – прошла бы мимо. Глазки заплаканные, перстни на руках. Стояла подбоченясь.

– Дашка! Не узнала чо ли? Как была красавицей, так и осталась, хоть и двоих родила. Вдова, говорят, теперь, дочек двоих народила. А я вот мужа на фронт проводила, домой к себе, в аул, возвращаться надо. Да-да, за казахом я замужем. Хорошо живу, сытно. Двух сыновей родила. Да ты, поди, слышала про меня и Михаила. Не удалось мне его окрутить, но не жалею. Мои тоже в аул перебрались. Избу родичи им поставили на отшибе. Живём припеваючи. Маманя сказывала о твоих новостях. А Михаил в городе живёт. С финской без ноги вернулся, на деревяшке скачет теперь, но женат. Подобрала какая-то бабёнка. На безрыбье и рак рыба.

Дарья и ответить не успела. Позвали её деревенские. Попутка почтовая подвернулась, спешить надо было. Одета она была в ладный шубнячок, на голове платок из козьего пуха, подаренный матерью Эльмирки, валенки, скатанные дядькой Алексеем. Девчонка была, девчонкой и осталась. Шёл ей двадцать первый год. Всю дорогу до дома вспоминала встречу с подругой. На годок старше всего, а обабилась и смотрится сорокалетней. Впервые пожалела, что имя дочери дала Екатерина.

Закончилась война. Народ духом воспрянул, надеялся на послабления от власти, а они и не намечались. То на фронт надо было, теперь на восстановление порушенного хозяйства. Дарья, как и прежде, бригадирствовала. Председатель работой её был доволен. Работала много, а на жизнь не хватало.

Все годы дочь старшую Полюшку не видала. Забрать не удалось. Данила перед уходом на фронт приезжал уговаривать оставить дочь при бабушке.

Ранним утром в июне в окно постучали. В сердце предчувствие недоброе вкралось. Вышла, стоит Клашенька, слезу утирает.

– Тятку нашего убили. Еду хоронить. Тебе со мной надо ехать, Полюку забирать. Не с руки ей с матерью моей оставаться. С кордона попрут. Надо будет или мне, или Даниле к себе эту надолбу забирать. Не было печали! Муж калека с фронту вернулся, а тут ещё она припрётся.

– Что же ты так о матери, Клашенька? Вырастила вас, выкормила, а вы теперь её, как поклажу ненужную! Поехали, заберу Полюшку, не сирота она круглая. Матвей сам за неё двумя руками держался. Надеялся пособие выхлопотать, но сам себе и подгадил доносом на меня.

– Думашь, я не говорила ему про то? Куда там, закусил удила и понёс без колёс. Вот всё боком и вылезло. Ежели бы не война, то с кордона попёрли бы взащей. Его, почитай, два года по допросам таскали. Всё пытали про Василия. Еле откупился. Всю живность со двора отдал. Чует моё сердце – татарское отродье его прикончило. Они ему в глаза угрозы сыпали за дочь свою погубленную. Ой, горюшко моё горькое. Нет жизни от этих стариков. Ты, я тоже гляжу, со своими не очень любезничаешь. Живёте, словно не родные вовсе.

Не захотелось говорить с золовущкой о делах своих. Пошла к председателю, попросила коня, запрягла в свою телегу, за которой исправно ухаживала. Попросила тётку Матрёну за хозяйством присмотреть, взяла Катеньку, продуктов на дорогу и в путь. Клашенька взяла только краюху хлеба. В дороге Дарья разжигала костерок, варила картошку. Ели с салцом с удовольствием, попивая чай, заваренный на сухой лесной ягоде. Всю дорогу молчали. Каждый о своём думал.

Кордон показался внезапно, как и в первый раз. Смотрелся обветшалое, чувствовалось, что не хватало силёнок у хозяев обихаживать своё гнездо. Ворота были отворены. Въехали на подворье. Из дома вышли Пелагея и Полюшка, которая пряталась за спину бабушки, поглядывая на приехавших с опаской.

– Что ты, милая, испужалась. Свои это. Матушка твоя Дарья, я тебе о ней сказывала. С ней сестра твоя младшая, Катенькой зовут. А это тётушка Клавдия, дочь моя.

– Чего так распелись, маманя? В дом зовите, едой потчуйте. Нечего балясы тут разводить, – прервала мать Клавдия. – Брательник Данила где? Надо порешать всё и в путь обратный. Видать, тятю уже схоронили. Сами управились, так это хорошо.

– Данила к друзьям поехал, в село татарское. Завтра девятый день как Матвея не стало. Больно долго до вас весть шла. Лето на дворе. Подсобили друзья Данилкины. Всё исправно сделали, – ответила дочери Пелагея.

– Братец к татарам побёг! К убивцам отцовским! Вас, маманя, развели, что дураков, – в крик пошла Клашенька.

– Не наводи напраслину на людей, Клавдия. Убийцу Матвея в то же утро поймали. В дом к милиционеру постучался одёжку сменить, тот его и сграбастал.

Беглый, из лагеря бежал. Думал пожить у нас и дальше. Матвей, не разобравшись, в дом пустил, бражничали до полуночи, а потом этот гость решил его по горлу ножом и нас с Полюшкой порешить, но Матвей отпор дал. Во двор выскочил, там дуга стояла у двери, отбивался сколько мог. Мы с Полюшкой успели в окно сигануть и бежали куда глаза глядят. На счастье, люди из татарского села порыбачить на наше озеро с утречка приехали. Я всё им и рассказала. Кинулись к нам, а Матвей уже холодный лежит на дворе. Нас спасал, из дому убийцу выманил. Соседи за Данилой гонца послали, в госпитале он лежал. Матвея схоронили как положено – на третий день, милицейские разрешили. Вас никого ждать было нельзя. Данилка тоже не успел, на один день опоздал, – урезонила дочь Пелагея.

– А не братка ли Василий то был, маманя? Он ведь тоже вроде как в бегах.

Пелагея так глянула на дочь, что та с испугу поспешила в дом от греха подальше. Стояла в дому, разинув рот от удивления.

Стол был накрыт в горенке. Расстаралась Пелагея, приготовила многое из того, что Матвей любил. Помянуть всей семьёй и разъехаться кто куда. Полюшку жаль было от себя отпустить, но понимала – не поднять ей внучку на ноги. С кордона через неделю съехать надо. Будут с Данилой по чужим избам скитаться, пока свою поставит удасться. А женится – и там ясности никакой. Кому чужой ребёнок нужен. Клавдия приехала, чтобы пожить чем. Соломой прошлогодней не побрезгует.

Во дворе послышались голоса, и Дарья поспешила навстречу. Данила с войны вернулся целёхоньким, но дважды контужен был, практически оглох и говорил, сильно заикаясь. Обнял Дарью, у самого слёзы по щекам потекли. Пытается говорить, а ничего не получается. Клавдия стояла в стороне, наблюдая. Много вопросов возникало от увиденного. Наверняка вторая дочь у Дарьи его. Шибко на влюблённую парочку схожи. Решила потом у матери всё выпытать.

Помянули. Слов много не говорили. Лучше помолчать. Хорошего не скажешь, много грехов за Матвеем числилось, но и плохого говорить не хотелось.

Гости засобирались домой. Обещали помочь с переездом и подводами, погрузить или разобрать что потребуется. Из живности во дворе петух с четырьмя курочками, других на помин порубили. Корова по весне сдохла, свиней не держали. Озеро выручало. На одной рыбе и жили.

Клавдия заныла, что места для матери с больным братом у неё нет. Положила глаз на некоторые вещи, но Пелагея ей отказала, сказав, что самим с Данилой всё пригодится. Из одежды Матвея разрешила забрать всё. Данила её так и так на себя не наденет. Клавдия стала вязать узлы. Улучив момент, когда были с Пелагеей одни, подкатила с расспросами.

– Мамань, скажи, от кого всё же вторая дочь у Дарьи. Похоже, что нашей породы, но не от отца ведь, хотя на их с Василием похожа. Я тут давеча смотрела, как миловались Дарья с Данилой. Истинно полюбовнички, язвы их в душу. Стоят, слезу пускают. Не об тятеньке ведь плакали. Слова на помин души не промолвили оба.

– Прикуси свой язык, Клавдия! Знать хочешь правду? Василия это дочь! Не тарашь глазища! Был он в сороковом году после Масленицы в наших лесах, был. Встречался с Данилой и Дарьей на зимовье. К нам боялся обратиться, татары прятали, а отец родной спалить решил. Но сгорел кто-то другой, и невеста Данилушки Эльмира погибла. Матвей за то и решил Дарью под суд подвести, поняв, от кого вторую дочь родила невестушка, но не удалось его дело чёрное. Сам едва откупился. Хошь, иди снова донос пиши. Только я скажу, что и ты в курсах о брате была, всё знала. И потом посмотрим – кому горячее будет. Данилу не тронь! Не сын он Матвея. Другой у него отец. Потому и не похож на вашу Савичевскую породу. Копия отец его. Где и когда я того узнала – не твоё дело. Одна светлая страничка в моей жизни и была. Твой отец словно аспид был. Всю жизнь только и мог – кровушку у других пить, – не сдержалась Пелагея.

Клавдия стояла ошарашенная. Может, и брательник старший живой. А вдруг как объявится. Крутой у него нрав. Не простит сестре малейшую промашку. Так прижучит, мало не покажется. До самого отъезда ни с матерью, ни с братом более не говорила. Полюшка умывалась слезами, не желая покидать бабушку Пелагею. Данила от Дарьи не отходил. Любовался ею молча, прощался на время долгое, а может, и навсегда.

Пришёл день расставания. Слёз было пролито немерено. Прощались с прошлым, душа замирала от мысли о будущем. Клавдия всё в сторонке старалась быть.

Всю дорогу молчали, думая каждая о своём. Сестрёнки к концу пути сдружились. Полюшка стала своих кукол, нашитых бабушкой Пелагеей, сестре давать. Сказки бабушкины ей рассказывать. Подъезжая к деревне, Клавдия не выдержала:

– Дарья, ты знала, что Данила не тяти сын? Ежели так, не надо в деревне об том говорить. Народ злой, а нам рядом жить. Уж лучше не замечать друг дружку.

Так Дарья и узнала тайну своей свекрови. Многое встало на свои места. Ныло сердце об них с Данилой. Но куда было их забирать в избу из одной комнаты. Дочерей надо было растить, хватило бы сил.

Глава 13

Послевоенная жизнь входила в определённое русло. Мало мужиков с фронта возвратилось. Парни, ушедшие холостыми, вернулись уже женатыми. Кто медсестричку присмотрел, кто польскую девицу привёз. Немалую лепту внесли и эвакуированные немецкие девицы, удивляя холостых и женатых своей способностью держать себя и избы в чистоте и порядке. Знали, что их в жёны не выберут, а потому и принимали ласки блудливых мужиков. Случалось ребёночком обзавестись, рожали, не обращая внимания на пересуды.

Одежда у всех поистрепалась, на новое денег не было, и ходили деревенские бабы в фуфайках драных и чулках штопанных. На этом фоне смотрелась Дарья куколкой. Могла старую юбку перелицевать, к ней блузку из ситца весёленького сшить, сапожки на ножки и всё – невеста на выданье. Вот только женихов не было видно. Или мужик, от которого перегаром несёт за версту, или юнцы малолетние.

Собрали урожай неплохой, трудовень повесомее стал, кабанчики подросли, сальце набрали. По наступившему холоду решила Дарья приколоть кабана, оставить половину себе на зиму, а половину в город свезти на продажу. Прикупить обнов себе и дочерям. Многие так же решили. Собрались гуртом в город ехать, путь долгий, а вместе не страшно. На полдороге можно будет и остановиться на обогрев. Проводником Петра решили взять. Обозы гонял исправно, путь знает хорошо, да и балагур знатный. Никогда не унывает парень.

До города добрались благополучно, в выходной день. Торговцев с мяском, кроме них, не было. Торговля шла ходко. Смели горожане всё подчистую в очередях и на цену не смотрели. Управились за три часа торговли. Время по магазинам пробежать осталось. Все вместе пошли бабёнки, Петра на защиту от воров взяли.

Пётр давно заметил Дарью, сестру друга Ивана, но подступиться не мог. Больно строга была и до утех мужских не падка. Знал, что многие мужики на неё зуб точат, всякую напраслину о ней говоря. Некоторые и по губам от неё за сплетни получали. Замолкали на время, но потом по новой свой брех начинали. Про баб и говорить не надо – каждая пообщипать ей космы готова была. Сами порой не понимали, за что.

Шли по базару гурьбой. Вдруг Дарья остановилась как вкопанная. Сидит мужик без ноги около будочки сапожной, молотком постукивает и покрикивает.

– Кому каблук подбить, кому пимы подшить, подходи, народ честной. Дорого не беру. Могу сапоги стачать, коль хром отыщется.

Дарья стояла и смотрела на сапожника, не отрывая глаз. Трудно было в этом мужике признать Михаила Силантьева. Сидел он в старой, штопаной фуфайке, выставив вперёд деревяшку, привязанную к ноге. На голове шапка-ушанка солдатская, из-под которой выглядывали пучки седых волос, лицо, заросшее щетиной. Губы синюшные, как у деда столетнего. Рядом бабёнка стоит, опершись спиной о будку. Волосы включенные из-под платка старого, драная фуфайка ремнём солдатским подвязана, в губах самокрутка дымится.

Мелькнула мысль, что и не было к нему никогда любви. Разве, если бы она сейчас, на его месте, увидела Василия, стояла бы она так спокойно? Нет! Она бы кинулась обнимать головушку своего Василия, покрывая щетинистое лицо поцелуями. Сердце ответило болью на её мысли. Любила! Сама не понимала, а любила Василия той единственной в жизни любовью, которую, возможно, и не испытать ей более.

Товарки стали торопить Дарью, Пётр потянул за рукав шубняка. Пошла, не оглядываясь, навсегда выбросив из своего сердца человека, не сумевшего сохранить росточек её первой любви, но была благодарна судьбе за эту встречу. Всё встало на свои места. Там, на кордоне, навечно осталась её любовь. Единственная.

Домой возвратились под утро. Товарки разъехались по своим домам. Пётр поехал с Дарьей под предлогом помочь распрячь лошадку, корма задать и напоить.

Надеялся на разговор серьёзный. Любил Дарью, хотел рядом с ней быть, и никакая молодка ему не была нужна. Вошли в избу. Сняв шубнячок, Дарья пригласила попить чайку. Дочери у тётки Матрёны заночевали. Сидели, пили чай, молчали. Горела лампа керосиновая, изба теряла своё тепло, становилось зябко.

– Ты что же, дуралей, не сыщешь себе молодую девку? Чего постоянно на меня, вдовую, глаза пялишь? Почти на шесть годков меня младше. Что маманя твоя скажет, узнав про нас? Ославит, на всю деревню ославит! Зачем ты мне, скажи? Мне не любовник, а муж нужен. Пойми, голова садовая, не пара мы!

– Не нужен мне никто! И маманя мне не указ! Всем скажу, что беру тебя в жёны. Люблю я тебя, Дарья! Пить брошу! Баб всех к чёрту пошлю! Зарегистрируемся.

От сердца говорил свои слова Пётр. Только жизнь – штука сложная. Первой матушка его на всю деревеньку скандал учинила. Сын единственный на вдове с хвостом из двух детей собрался жениться. Гулял бы себе, а жениться-то зачем! Следом вдовушки заголосили, что забирает у них Дарья лучшего полюбownika в деревне. Потекли сплетни по деревне.

Пётр перешёл жить к Дарье. Вскоре, узнав, что дитя у них будет, повёз в район и зарегистрировал брак. Вдовушки рты поразевали от удивления – не ждали такого поворота. Свекровь рвала и метала, охаивая и проклиная Дарью на каждом углу деревенском. Родилась девочка. Семья подросла ещё на один рот. Пётр подустал от хлопот семейных, тянуло в клуб, с друзьями пображничать. Матушка проходу не давала, слезми умываясь, просила развестись и вернуться к ней на житё. Первый год и внучку признавать не желала. Гулял её Петя по бабам, но ни одна не родила от него, а тут нате вам. Все уже видели сходство девочки и с отцом, и с бабушкой. Первая и, как оказалось, единственная дочь и внучка.

Дарья душой страдала безмерно, но виду никому не показывала. Слабой быть – детей не поднять, а их трое. Поинка уже в первый класс пошла. Приходила домой в слезах, рассказывая, какими словами её обзывает школьная уборщица, мать отчима. Терпеть такого нельзя было, и Дарья пошла в школу. Без крика всё решила, пригрозив учительнице, жене председателя колхоза, съездить в район и узнать, как может та работать учительницей, не закончив и семи классов. Председатель сам прибежал к ней домой с извинениями и просьбами не поднимать шума. Все затихли, но жизнь становилась всё тяжелее. Пётр запил, пропадать стал ночами. Отстаивая свои права на разгульную жизнь, поднял руку, но вступились братья Дарьины. Так намяли бока – на всю жизнь урока хватило.

Одно утешало, что к замужней женщине другие мужики не липли, им и вдов хватало. Через пару лет продала Дарья свой домишко, переехала в другую деревеньку, но и там их жизнь с Петром не ладилась. Находились дружки-приятели, с которыми он бражничал ночами напролёт, женщины, истосковавшиеся по мужской ласке.

Много горьких зорь было в её жизни. Они чередовались одна за другой своим багряным небом, принося боль в израненное сердце.

Старшие дочери выросли, уехали в город, далеко на юг. Вот и Дарья решила на переезд в город одна, с младшей дочерью. Пётр просил не бросать его, боясь спиться окончательно. Постарел от разгульной жизни, и уже никто не видел разницы в их возрасте.

Эпилог

Много зорь было в жизни Дарьи, всё больше приносящих боль и обиду. Дней счастливых было так мало, что можно было их перечесть на пальцах одной руки. Старшие дочери замуж повыходили, и младшая долго дома не засиделась, нашла свою любовь. Внуки рождались, росли. Не заметила, как бабушкой стала.

Вспоминала о жизни своей прошлой изредка. Годы бежали, принося только беды и разочарования. Жизнь с Петром была сложной. Возрастная разница давала о себе знать. Он чувствовал себя молодым, а на ней висела ответственность за трёх дочерей. Характер Дарьи становился всё суровее. С дочерьми всегда была излишне строга, в семье мало радости было.

Дочь Петра выросла своенравной. Таковую не согнёшь, не сломаешь. Судьба подарила ей большую любовь, и она ушла из семьи, но отношения поддерживала тёплые, проявляя заботу об отце и матери. Вскоре переехала в другой город.

Сама не понимая почему, любила Дарья больше среднюю дочь, отдавая ей лучшее. Старшую и младшую частенько одаривала подзатыльниками. Средняя дочь, Екатерина, овдовела вскоре после свадьбы. Призвали мужа в армию, он там и сгинул по глупости. Нашёл себе подружку из офицерских жён, пошёл в самоволку, на речке с пассией встретиться. Погиб, купаясь на мелководье. Внучка малая на руках дочери осталась.

Старшая нашла свою судьбу в родной деревне Дарьи. О Пелагее ничего не было слышно. Жила с Данилой в сторонке, никому о себе не напоминая.

В тот год жаркое лето было. Решила съездить к родителям и дочь заодно навестить. Встретились, словно чужие. Отец в обиде большой был на то, что денег не шлёт им с матерью. Ничего не менялось в жизни. Все от Дарьи чего-нибудь хотели. Братья, сестра Нюрка не считали своим долгом родителям помогать. Горько было всё видеть, но плакать себе не позволила. Не пробыв в гостях и двух дней, вернулась домой.

В один из дней Екатерина пришла с работы взволнованной. Организация у неё была серьёзная, по пропускам сотрудники проходили. Позвонили с проходной, сказали, что спрашивает её какой-то мужчина, зачем – не говорит, стоит, переминается. Пока дела завершила и получила разрешения спуститься, мужчина ушёл. Вахтёрша набросилась на неё с расспросами, почему так долго не шла.

– И чего ты, Екатерина, замешкалась? Мужчина такой чудной приходил, с лица русский, а говорит по-русски с акцентом. Он не тебя вначале просил пригласить, а сестру твою, Полинку. Я и объяснила, что она не работает уже у нас, и про тебя сказала, что работает сестра младшая и зовут её Катериной. Он спросил, как твоя фамилия, я ему и ответила, Савичева, мол, Екатерина Васильевна. Он аж в лице сменился. Спросил, не знаю ли я, с какого ты года. Как не знать – с сорокового, нам доподлинно известно про всех работников.

– Вы мне скажите, он один был?

– Женщина с ним была, та и вовсе на непонятном языке лопотала. Он про мать твою спрашивал, а мне откуда знать про неё. Спешили они очень, у них поезд отходил. Но вот теперь гляжу на тебя – вы как одно лицо будете, только он постарше, и щетина на щеках, а глаза и лоб у вас одинаковые. Волосы у него седые, а на твои очень похожи. Вышли подышать ненадолго и не вернулись. Он тебе и подарки оставил...

Екатерина выскочила из здания, но никого не было ни во дворе, ни на остановке автобусной. Вернувшись, стала расспрашивать вахтёров. Те в один голос утверждали о большом сходстве мужчины и Екатерины. Подарки тоже были необычными. Сладости импортные, несколько сувениров. Оставив всё на вахте, вернулась Екатерина на рабочее место. Мысли разные одолевали. Пришёл, так чего не дождался. Подарки импортные опять-таки оставил без записочки.

Дарья выслушала дочь, но ничего говорить не захотела. И что тут скажешь. Похоже, Василий приходил. Лопотал на незнакомом языке. Может, к своей финской бабёнке вернулся и живёт себе припеваючи, ни беды, ни горя не зная.

За что ей, Дарье, такая горькая судьбинушка досталась? За что? В чём вина её? Перед кем так провинилась? Вот уж и бабушкой стала, а жизнь долбит и долбит её израненное сердце. Зачем пришёл из прошлого этот мужчина? Дочь свою искал, а про вторую и знать не знал, не ведал. Не любил! Не жалел! Себя только спасал, свою жизнь обихаживал.

Соседка Зинка, угощённая Екатериной конфетами, сразу высмотрела – финские конфеты. Вопросами закидала обоих.

– А кто это у вас за границей живёт? Или по благу где достали? Может, и мне раздобудете немного?

Горько на душе стало у Дарьи, вышла на улицу прогуляться. Слезы катились по щекам потоком сплошным. Мысли о жизни прошлой, о теперешней. Выходит, из всех, с кем судьба сводила, один Пётр и любил. Взял с двумя детьми, жизнь рядом прожил. Как мог, как умел помогал преодолевать тяготы жизненные, защищая от людской злобы. Она ему так и не смогла теплом ответить, приласкать, слова добрые сказать. Может, оттолкни она его от себя, и прожил бы её Пётр жизнь другую, счастливую. Многие его любили, зазывали пряниками сдобными, перинами пуховыми, но не бросил её, дожил до старости. Она же и дочерей не научила уважать отчима. Младшую, дочь его единственную, родить – родила, но сердцем так и не приняла. Росла девчонка словно падчерица с малых лет, пока не встретила человека любимого, обогрвшего её сердце израненное. Самой счастливой из дочерей оказалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.